

ВАСИЛИЙ КЛЕНИН

НАГИББАТОР

—СУХОРУКОВ—

12+

Василий Кленин
Нагибатор Сухоруков

«Автор»

2022

Кленин В. Н.

Нагибатор Сухоруков / В. Н. Кленин — «Автор», 2022

История обычного негероического попаданца в необычном времени и необычном месте продолжают. Хотя, сам "император" Сухая Рука, казалось, делал всё для того, чтобы эта история оборвалась. Причем, максимально нелепым образом. Третья история из новой жизни Сухорукова о том, как самые простые желания - денюжку бы - приводят к самым неожиданным последствиям. Это третий роман цикла "Император Сухоруков". Первую книгу можно прочитать также на странице автора.

© Кленин В. Н., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Часть I. Денег нет, но	22
Глава 1. Уникум	22
Глава 2. Я мог бы быть богатым	27
Глава 3. Милитарист	32
Глава 4. Деньги нужны!	37
Глава 5. Десять вопросов	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Василий Кленин

Нагибатор Сухоруков

Пролог

– Человеки! Людины! – какой-то человек стоял на стволе дерева, упавшего в зеленоватые воды Мезкалы, нетерпеливо подпрыгивал и размахивал руками.

– Что это такое? – удивился Атотол и тревожно стиснул нефритовую булаву.

– Какой-то местный, князь, – хмыкнул один из гребцов. – Мы вроде уже в четланских землях... Надо бы пристать и выяснить: может, тут, у них какие правила есть? Запреты?

Князь недоверчиво покосился на незнакомца. Он впервые заплыл в эти горы и опасался подвоха. Но ссориться с местным владыкой тоже не хотел.

– Подгребайте!.. Неспешно только!

Лодки снизили скорость и медленно двинулись к берегу. Коротышка, завидев это, заплясал от радости, сиганул в воду и устремился навстречу торговцам.

– Кто таков? Зачем звал? – сурово прикрикнул Атотол, когда до местного осталось шагов пять.

Мальчишка (а незнакомец оказался вовсе не коротышкой, а молодым пареньком лет пятнадцати-шестнадцати) жадно впился в говорившего глазами. Казалось, у него даже уши зашевелились от внимательного слушания. Радость понимания отразилась на лице, и он воскликнул:

– Толимека?

– Так и есть, – важно кивнул князь. – Ты зачем звал нас?

Мальчишка тут же кинулся в объяснения, перемежая слова и жесты. Что-то он говорил неправильно, многие слова вообще были из других языков, но, к удивлению, князь умудрялся его прекрасно понимать.

– Я проведу вас по реке! Сейчас вода низкая, а выше нашего селения на дне много скал, которые почти у самой поверхности торчат. Я уже много лет помогаю лодкам проходить, все места знаю. Возьмите!

– Мы можем и по середине Мезкалы проплыть, – пожал плечами один из гребцов.

– Так по стремнине против течения вы до Излучного будете больше двух дней плыть! А я вас по-над берегом к завтрашнему полудню доставлю!

– Почему ты решил, что нам надо в Излучное? – нахмурился предводитель путников.

– А куда же еще? – изумился четланин, удивленно распахнув свои и без того большущие глаза.

Князь промолчал.

– Возьмите! – усилил атаку коротышка, почуяв слабинку. – Я ведь никакой платы не возьму! Мне просто самому в Излучное надо. Поможем друг другу!

– Залезай, – махнул рукой толимек. – Как тебя звать-то?

– Конечинмайла, – радостно протараторил мальчишка свое невыговариваемое имя. – А твое?

– Атотол, – гордо ответил князь.

– Слово какое-то... совсем непонятное, – нахмурился паренек. – А что оно значит?

– Атотол – это такая светлая птица. С большой головой и еще большим клювом. А под клювом у нее – мешок. Атотолы – мудрые охотники. Они ловят рыбу ватагами, окружают ее и загоняют на мелководье.

– Никогда не слышал, – восторженно прокомментировал Конце.. Конце... проводник.

И верно, откуда ему знать про таких птиц! Живет тут в горах, даже моря, наверное, ни разу не видел.

– Можешь звать меня просто князем, – снисходительно бросил Атотола, как бы намекая, что перед ним не абы кто сидит, а могучий владетель многих селений. И с ним стоит вести себя соответственно.

– Вот это да! – глаза четланина превысили все мыслимые размеры, восхищение выглядело неподдельным. Только вот почтения в поведении не прибавилось.

– А ты князь на правом берегу или на левом?

Атотола вспыхнул. Но сдержался. Мальчишка задал вопрос без всякого умысла. Откуда ему знать, что по всей Толимеке и князья, и простой народ точат зубы на правителей Куалаканы и Хетци-Цинтлы. Два княжества располагались в аккурат по обе стороны от Мезкалы. Когда главным рынком была Закатула – все имели к торговле равный доступ. Но в последние годы все стали говорить об Излучном, о владыке, что активно торгует дивными товарами. При этом, охотно покупает соль и хлопок, золото и какашут. А всего этого в Толимеке было в избытке! Но добраться до Излучного можно было только по Мезкале! И два князя быстро перекрыли доступ к реке. Велели продавать товары им и уже сами везли толимекское богатство в горы. А оттуда привозили удивительную стек-тлу. И торговали ею с соплеменниками. Втридорога! Неудивительно, что четлане только об этих двух князьях и слышали.

«Ну, я это поменяю!» – решительно нахмурился Атотола.

Терпение князя лопнуло! Настолько, что он собрал караван из лодок и по маленькой реке сам лично вывел их в море! Полдня лодочки болтались на высокой волне, с трудом ползли на закат, пока караван не вошел в устье Мезкалы. Заросшими тростником рукавами они обошли Закатулу, выбрались на самую середину огромной реки и принялись грести на север! В манящие горы. Конечно, обитавшие по берегам Мезкалы жители Куалаканы и Хетци-Цинтлы видели их – но что они успеют сделать!

Впереди Излучное. Впереди выгодная торговля! Атотола довольно потер руки.

– Нет, малыш. Мое княжество находится далеко от Мезкалы. Дальше не восход, у самого моря. Я – князь Амотлаткуа, князь своевластной земли.

Четланин внимательно поглядел на Атотолу.

– Я запомню, – кивнул он серьезно. И тут же улыбнулся. – А вот ты мое имя никак не запомнишь! По-вашему мое имя означает Дитя Голода, можешь так меня называть.

...Заночевали прямо на открытом берегу. Дитя Голода заверил, что до четланской столицы рукой подать. Так что места тут спокойные, опасаться нечего. Атотола от волнения проснулся ни свет ни заря, растолкал своих людей и решительно загнал на лодки.

– Быстрее-быстрее! – торопил он толимеков и проводника.

– Да чего торопиться, – беззаботно махнул рукой последний. – Змеев День только завтра.

– Змеев День? – насторожился Атотола. – А что это?

– Не слышал? – удивился Конечинмайла. – А я думал, что ты, князь, специально на праздник едешь.

– Нет.

– Ну, тогда делай сегодня свои торговые дела, а завтра я тебе всё покажу!

Солнце только взошло над горами, как на берегу показалось крупное селение. Все сразу оживились.

– Это Излучное?

– Это? – проводник фыркнул. – Нет, это Черное Урочище. Видите, оно по левой стороне? А Излучное на другом берегу стоит. Уже скоро! – подбодрил он толимеков.

Мезкала резко свернула на восток. С севера реку прижимала черная, почти безлесая гора, нависая своей громадой над маленькими лодочками. Гребцы, которым передалось волнение князя, налегли на весла.

– Вот-вот! – подзуживал толимеков Конечинмайла. – Вон река снова крутой поворот делает – видите? Это в Мезкалу Серая Вода впадает. А сразу за ней – Излучное.

Но Атотола уже сам видел: их лодку вынесло на крутом речном повороте, и взору торговцев предстало место полное жизни! Конечно, мангра скрывала большую часть берега, но всё равно можно было разглядеть десятки, если не сотни теснящихся домиков, редкие столбы печных дымов. Ближе к горам вся земля была рассечена на прямоугольники черных, бурых и желтых полей, которые скоро начнут готовить к севу.

Большое селение. Конечно, ему далеко до Закатулы, но всё равно, трудно ожидать встретить такое людное место в этих диких горах. Однако, князь смотрел не на селение. Он забыл и про домики с дымами, и про поля... Взгляд Атотолы (равно как и всех прочих толимеков) приковался к реке. От голого галечного берега в воду шагов на тридцать шел длинный деревянный настил. А к этому настилу была привязана большая... нет, просто гигантская лодка!

– Что это?

– Нравится? – хитро прищурился мальчишка. – Это кора-пиль!

Караван как раз приближался к привязанному чудовищу. Атотола прикинул длину лодки, и у него вышло заметно больше двадцати шагов. Конечно, он понимал, что долбленки бывают и подлиннее – всё зависит от длины ствола дерева. Но этот... кора-пиль имел еще невероятно высокие борта! Они торчали на речной волной на полроста, а ведь часть судна была под водой.

– Таких деревьев не бывает, – пробормотал князь.

– Кто знает? – задумчиво произнес проводник. – Но я таких точно не видел. Просто кора-пиль построили из многих деревьев. Он такой тяжелый, что его на берег стараются не вытаскивать: потом кора-пиль только две двадцатки назад смогут столкнуть. А вы видели, какие вёсла у него?

– Вёсла? – толимеки присмотрелись.

Вот чудо какое! Все люди делают вёсла короткими: где-то по грудь. А зачем больше, когда гребешь, сидя в лодке у самой кромки воды? У кора-пиля весла оказались длиннее самого длинного копья! Причем, они торчали из дырок, которые зачем-то прорубили в бортах судна. И таких весел было по шесть с каждого борта. А тринадцатое весло свисало с одного из носов кора-пиля (этот нос, кстати, был неправильный – широкий, незаостренный). И оно было просто чудовищное: с кривой изогнутой ручкой и лопастью, которой можно целого человека накрыть.

– У вашего владыки в услужении есть великан? – севшим голосом спросил князь.

– Чего? – не понял Конечинмайла, но через миг залился смехом. – Нет! Этим веслом не гребут. Только шевелят: влево-вправо. И кора-пиль поворачивает куда нужно.

– На таком и в море не страшно выйти, – грустно вздохнул один из гребцов. И тут же закричал. – А это что такое?!

За кора-пилем открылась стена. Да! Просто большая стена. Без дома, без ничего. Стена из ткани высотой в три роста. На стене сидел огромный слегка полноватый человек с довольным лицом. Человек был богато одет, украшен перьями и камнями. В одной руке у него была дымящаяся чаша, в другой – пучок маиса. А вокруг него разложены различные богатства.

– Великан... – выдохнул Атотола.

Четланин-проводник давился от смеха. Он смотрел на нарисованного человека без ужаса и почтения.

– Тогда и маис тоже великанский, князь! – заметил паренек. – Смотри: початок ему почти в локоть длиной.

– Но почему тогда человек такой большой? – не мог понять происходящего Атотола.

– А чтобы видно было издалека! Вот плывем мы посередине реки и отлично видим, что на берегу можно купить много всяких разных товаров. И продать. И кое-что еще!

– Что еще?

– О! Князь, – мальчишка широко улыбнулся. – Тебе в Излучном придется еще много раз удивляться!

Он вдруг вскочил в лодке и замахал руками.

– А чего весла положили? Быстрее к берегу – за нарисованным человеком уже рынок начинается!

И караван повернул к берегу. Мангра внезапно кончилась, и толимеки увидели десятки лодок (обычных, конечно), которые облепили голый берег, как мухи разрезанную гуанабану. Здесь тоже было сооружено несколько мостков, но чужие лодки облепили и их.

– Эх, всё занято! – вздохнул Дитя Голода. – Ну, понятно: все на праздник съехались. Давайте вон туда, южнее ручья. Хоть там остановимся.

Атотола покорно повторил приказ. Если честно, он слегка растерялся. В его мыслях всё выглядела гораздо проще. Сейчас же он не понимал, что делать дальше. Куда девать товары? Где искать стек-тлу? Где расположить людей? Конечинмайла, словно, подслушал его.

– Князь, пойдем сейчас со мной. Людей оставь при лодках и товарах, а я отведу тебя на рынок. Там есть специальные люди, которые встречают торговцев. У них уже узнаешь, где разместиться можно, как торговать положено.

– Как торговать положено? – переспросил Атотола. Иногда ему казалось, что он неправильно понимает четланина. Разве торгуют не везде одинаково?

– Ты удивишься, Атотола, – снова многозначительно улыбнулся проводник. – Идем!

Они с трудом перебрались через ручей (тот был мелким, но берега его были высоки, укреплены стенками из переплетенных веток, и всюду стояли лодки) и почти сразу оказались на небольшой площадке, заполненной народом. Те, что помоложе, резвились на странных сооружениях из бревен и веревок, а люди постарше обступили... Атотола не мог подобрать слова увиденному.

– Что это?

– Атоматли! – ответил Дитя Голода, потирая руки.

Князь нахмурился.

– Я надеялся на объяснения, а не новые непонятные слова.

– Прости, – улыбнулся четланин. – Это маленькие волшебные алтари разным духам. Чтобы приезжие могли помолиться своим покровителям.

– Волшебные?

– Ну, так говорят. Они и впрямь удивительные!

Конечинмайла принялся объяснять князю, в чем волшебство. Каждый атоматль требовал небольшого подношения: щепоть соли, пригоршню зерен или несколько красивых перьев. А затем начинали твориться чудеса. На алтаре Речного Наездника чаша воды приводила в движение целую систему из веревок, площадок, лопаточек. Большая Капибара была вылеплена из глины и стояла на четырех цилиндрах-ногах. Прорезь для подношений у нее находилась прямо на спине. После жертвы молящийся должен был потянуть атоматль за хвост: хвост вытягивался, а цилиндры начинали вращаться. Причем, каждая «нога» состояла из нескольких частей.

– Пока цилиндры вращаются Большая Капибара посылает силу твоим ногам для долгой дороги, – рассказывал Дитя Голода. – А видишь, князь, на каждом из них разные знаки? Местные говорят, что из получившихся в итоге сочетаний знаков можно даже получить предсказание на будущее.

– А что за предсказание получили мы?

– Я не умею распознавать эти знаки, – пожал плечами паренек. – Их так много. Мне достаточно просто крепких ног для завтрашнего дня!

Атотолу-Пеликану больше всего понравился алтарь Вечного Кецаля (который, как тут говорят, снес яйцо, из которого вылупились боги). Это был просто ящик. Сам кецаль был

искусно нарисован на стенке, только раскрытый клюв торчал наружу. Из ящика выходила изогнутая медная трубка.

– Дунь в нее! – подмигнул Конецинмайла.

Князь дунул, внутри что-то зашуршало – и из клюва Вечного Кецаля полилась песня! Короткая – всего одиннадцать звуков – но такая красивая! Потрясенный Атотола тут же кинул в «гнездо» еще перьев и снова дунул – Кецаль спел песню снова и снова, ни разу не ошибившись. Пока в груди толимека не кончился воздух.

– Красота? – подмигнул Дитя Голода. – Я в прошлый раз разговорил мальчишек-гостеприимцев, и те раскрыли мне секрет этого атоматля. Там сверху подвешены колокольчики: медные, серебряные. А в центре – горизонтальная палка. На палку особым образом насажены молоточки. Когда кто-то дует – палка начинает крутиться. И молоточки бьют по колокольчикам!

Атотола всё равно не понял, как палка и молоточки могут родить песню. Для него всё равно атоматль оставался чудом.

– Я тоже хочу, чтобы алтарь моего покровителя тут стоял! – заявил он мальчишке. – Чтобы ему тоже возносили подношения.

– Прости, князь, – развел руками проводник. – Духов в этом мире так много – никакой площади не хватит. Здесь возносят молитвы богам, которых чтут на всей Великой-Мезкале. Ну, или вот как в случае с Кецалем – это какой-то знатный господин с севера приехал и подарил владыке двадцатку корзин малахита! Люди его языка тут часто торгуют, вот он и хотел, чтобы можно было молиться их богу даже в Излучном.

Атотола скривился: двадцать корзин малахита – это очень дорого.

– Поспешим, князь! – Дитя Голода взял своего спутника за руку и потянул к далекому навесу из ярких тканей. – Задержались мы тут, а нужно отметить.

– Что сделать?

– Все, кто приезжает в Излучное, должны сообщить о себе человеку владыки. Вон он!

Под навесом сидел худющий человек, волосы которого были укрыты странной повязкой из ткани. Вообще, Атотола сначала подумал, что перед ним стоит коротышка еще ниже, чем Дитя Голода, но нет. Человек владыки сидел, но не на циновке, а на каком-то странном сооружении из палок и дощечек. И этого не было видно, так как перед худым стояло еще большее сооружение, тоже из досок и палок.

– Шлю тебе приветствия, господин! Пусть труд твой станет основой процветания нашего владыки! – радостно загалдел проводник, встав перед пестрым навесом.

– Кто таков и зачем? – важно, но устало оборвал его болтовню худой.

Он откинул полы своего явно очень дорогого плаща с богатым рисунком, придвинул листочки и зачем-то взялся за длинное перо.

– Конецинмайла, господин, из Большого Следа, – бодро отчитался Дитя Голода. – Приплыл на праздник, хочу участвовать в играх Горы. А со мной толимок Атотола, он приехал торговать. Он князь!

Невозмутимость человека владыки нельзя было пронять ничем.

– Толимок Атотола, сколько с тобой прибыло человек?

– Господин, он не знает нашего языка, – тихо пояснил проводник. – Но с ним приплыли две пятерки и два человека.

Худой макнул перо в чашку с черной жижей и на расчерченном листе поставил одну точку слева, а справа – три точки и две черты.

– Ты останешься, я буду тебя опрашивать. А толимеку объясни, что ему нужно идти к распорядителю...

– Да, я знаю, – оборвал Дитя Голода человека владыки и повернулся к Атотолу. – Князь, меня тут оставляют. А тебе сейчас нужно идти вон к тому навесу. Там сидит Широкий Дуб – он

самый главный во всем рынке. Этот человек знает твой язык, и он всё объяснит про торговлю: где и как, что можно, что нельзя.

Атотола заозирался, хоть с трудом, но понял, куда его посылают. В голове всё путалось, он уже жалел, что ввязался в эту торговлю. Казалось, самым трудным будет не опрокинуть лодки в море, проплыть мимо жадных жителей Куалаканы и Хетци-Цинтлы. А самое сложное начиналось здесь.

– Завтра я найду тебя, князь! – неслось ему в спину. – Я помню, что обещал тебе показать День Змея!

По счастью, указанный человек – Широкий Дуб – очень хорошо принял князя. Он неплохо знал толимекский. Он первый оценил, что торговцы прибыли не из княжеств на Мезкале, а из далекого Амотлаткуа!

– Мне так жаль, господин, но на рынке нет ни одного свободного прилавка, – в искреннем горе всплеснул руками распорядитель. – Завтра праздник – и торговать вышли все, кто может.

Атотола пожал плечами: он и не хотел никаких прилавков. Вообще, толимок думал торговать по привычке прямо с лодок, с берега... но уже понял, что в Излучном так не пройдет. Люди привыкли торговать в специальном месте. Ну, ничего, его люди ходят с мешками вдоль рядов, выменяют нужный товар.

– Вы можете попробовать выкупить прилавок у кого-нибудь из местных! – предложил Широкий Дуб. – Нет, конечно, для гостей у нас прилавки бесплатные, но сами понимаете – спрос рождает предложение.

Последняя фраза была какой-то странной и малопонятной, но Атотола на всякий случай кивнул.

– А какой товар вы привезли?

– Соль в головах – чистую и белую! – гордо начал перечислять князь. – Ткань хлопковую, три мешка какашут, пчелиный мед очищенный, сушеный перец в мешках, накидки с пером цапли – у нас делают их лучшие мастера! А еще редкие раковины, добытые с глубин моря!

Широкий Дуб в восторг не пришел. Долго что-то прикидывал в голове.

– Соль нужна, князь. Но соли сейчас слишком много. Может быть, ты продашь ее отдельным жителям. А вот какашут владыка у тебя с радостью купит. И пчелиный мед, думаю.

– А накидки? А раковины?

– Вряд ли, – извиняющимся тоном ответил четланин. И скривился, будто зуб у него болит. – А золота у тебя нет?

Атотола мотнул головой.

– Есть немного нефрита.

– Это не то... Я в любом случае, расскажу владыке о твоих товарах, господин.

– И он сам придет меняться?

– Ну, это вряд ли, – улыбнулся Широкий Дуб. – Если твой товар окажется важным – придет Ннака. Большой человек! Но мой тебе совет, – распорядитель перешел на доверительный шепот. – Ты с ним хорошенько торгуйся! Изо всех сил!

– Разве такой знатный человек будет называть нечестную цену?

Широкий Дуб закатил глаза к серой агавовой ткани своего навеса и промолчал. Потом он выделил Атотолу щуплого гостеприимца, который выглядел мальчишкой даже на фоне Конечинмайлы. Новый помощник на толимекском практически не говорил. Сначала он что-то заученно рассказывал, но махнул рукой и, в основном, показывал: туда идти можно, туда – нужно, а туда – нельзя ни в коем случае.

Князь взял пяток человек, велел отобрать товар подороже – он всё еще верил в накидки и раковины (какашут с медом решил придержать для неведомого Ннаки) – и они, наконец, вошли на рынок. Прилавки выстроились в три ряда! И они, действительно, были все заняты.

Толимека – богатая земля. От гор и до самого моря. Поэтому Атотола спокойно смотрел на прилавки, заваленные зерном, овощами или даже рыбой. Таким его не удивишь. Только вот это были всё больше приезжие купцы. А местные продавали гостям разные непонятные изделия из дерева, кости, кожи. В нескольких местах стояла посуда – и была она такой идеальной выделки, с такими тонкими стенками! Видел князь и знаменитые глазурованные горшки – гладкие и блестящие. А вот к самому дальнему прилавку со стек-тлой было не протолкнуться...

Прохаживаясь по среднему ряду, Атотола краем уха слышал толимекскую речь. Здесь, среди чужих, было так приятно услышать родной язык! Он быстро обернулся – и увидел земляков за небольшим прилавком: те всю расхваливали разные крашенные ткани из хлопка. Улыбка сползла с лица – это же были люди из Куалаканы!

«Смотри-ка, какие! Торгуют, как все! Со своим прилавком».

Князь остановил своих людей. Пройти мимо них с мешками на плечах он просто не мог. Гордость не позволяла. Он для того и приехал сюда, в далекие горы, чтобы ни в чем не уступать заносчивой Куалакане!

– Значит, так! – ударил он себя кулаком в ладонь. – Ищем прилавок, который можно выкупить!

Как ни странно, но смельчакам из Амотлаткуа повезло: сначала они очень долго пытались донести свою нужду до мальчишки-гостеприимца, но, едва тот всё понял, как тут же пробежался по рядам и нашел нужное. Прилавок толимекам уступили два парня откровенно бандитской наружности с какими-то белыми знаками на плечах.

– Давайте, занимайте! – широко махнул рукой тот, что постарше. – У нас всё равно распродано всё. Но это только на сегодня и завтра.

Атотола предложил им в уплату раковины, убедившись уже, что такой прекрасный товар в Излучном не котируется. Пятнистые почесали затылки, растопырили пять пальцев – и сделка состоялась! Толимеки быстро перетаскали товар из лодок (влезло почти всё), и торг пошел. Князь признал, что с прилавком, конечно, намного удобнее. Товар можно было и разложить, и повесить. Навес защищал от солнца, под прилавком стояли удобные вместительные корзины. А главное – покупатель сам к тебе идет! Причем, пока одни торгуют на месте, другие могут ходить и выбирать нужный товар сами.

Соль, кстати, спрашивали. И весьма часто. Но все поголовно пытались сбить цену до неприличной. Князь недовольно хмурился.

День уже заканчивался, когда к прилавку пришел Широкий Дуб.

– Все-таки взяли прилавок? – улыбался он. – Молодцы! Только вот, если вы торгуете, то вам нужны весы и точные измерители.

Атотола только недавно успокоившийся, снова напрягся.

– Какие измерители?

– Ну, вот смотрите: торгуете вы головами соли. Каждая голова по одной и той же цене. А ведь у ваших голов вес разный – я это даже на глаз вижу.

Толимеки пожалы плечами – они в этом беду не видели.

– Нет, дорогие гости, у нас так не принято. Одинаковая цена должна быть за одинаковый вес. Поэтому владыка и ввел на рынке точные измерители: длины и веса. Я вам более скажу: если человек, купивший у вас товар, заподозрит, что ему недодали – он может обратиться к моему помощнику. Тот всё перемерит. И, если недовес превысит одну двадцатую – то вас заставят вернуть плату.

– И что же нам делать?

– Лучше всего купить набор измерителей. Они у нас самые точные, по таким сейчас все в Излучном измеряют и взвешивают товар.

Широкий Дуб махнул помощнику, который только этого и ждал. На прилавок легла стойка с перекладной, к которой были подвязаны две деревянные чашки.

– Это весы, – пояснил распорядитель рынка.

– Я знаю, – зло процедил сквозь зубы Пеликан, который не раз бывал в Закатуле.

– Не сомневался! – угодливо улынулся Широкий Дуб. – Весы выдаются торгующему на прилавке бесплатно. Но их и с собой нельзя забрать. А вот измерители.

В деревянном ящичке в несколько рядов стояли разноразмерные цилиндры, точеные из камня. На головках у них были выбиты какие-то знаки.

– Самый большой – это голова, – тыкал пальцами четланин. – Затем идет кулак. Пять кулаков равны одной голове. Самые маленькие – горсти. Пять горстей – один кулак. Если же вы будете продавать что-то совсем тяжелое, то лучше идти ко мне. За моим навесом стоят большие весы, где можно измерять товар лодками.

– Лодками? – почти хором изумились толмекки.

– Одна лодка – это двадцать голов, – вежливо пояснил Дуб. – Лодками по осени продают маис, уаутли, уоту, фасоль.

Затем он вальяжно выложил на прилавок досточку: ровную, гладкую, блестящую. И тоже покрытую знаками.

– Это измеритель владычного шага. Вся длина его – это длина шага. Видите большую насечку – это длина локтя. Два локтя – один владычный шаг.

– Большой шаг, – хмыкнул кто-то из-за спины князя.

– Вы еще не видели владыку, – улынулся четланин. – А маленькие насечки – это ладони. Пять ладоней – один локоть. Таким измерителем удобно мерить ткань, например – а у вас как раз хлопок. Этот набор – абсолютно точный – вы можете взять с собой. Но он платный.

«Началось!» – закатил глаза князь. Рынок в Излучном, конечно, был удивительный! Удобно, богато, интересно. Но товары постоянно куда-то утекали!

– Конечно, на один раз можно и без них обойтись, – поспешно сдал назад Широкий Дуб. – Но... Если вы хотите торговать у нас часто... К тому же, вы можете дома по этому образцу делать свои измерители! Владыка это только приветствует. Главное, чтобы они были одинаковыми – так торговать становится гораздо удобнее. И вам, и нам.

Пеликан задумался. Торговать он хотел часто. И только теперь он подумал: а ведь действительно, как удобно будет, если везде будут такие вот одинаковые измерители! И у четлан, и в Закатуле...

«И в моем Амотлаткуа» – добавил князь, полный державных планов и тут же спросил:

– Сколько?

– Обычно, берут маисом, – осторожно начал Дуб. – Три мешка. Это где-то поллодки. Мой вам совет: обменяйте на соль. Думаю, вы уже поняли, что здесь на ней много не заработаете.

Начался торг. Сошлись на четырех головах. Дуб самолично взвесил выторгованные головы. Заодно научил толмекков пользоваться измерителями и доказал, что все головы имеют разный вес.

– Торговля скоро совсем стихнет. А вы с дороги. Я бы предложил вам попариться в гостевом темескале, но сегодня в Излучном так много приезжих, что мест наверняка нет. А вот в таверну сходите непременно!

– Таверну?

И князь узнал про еще одно удивительное место в столице владыки Сухой Руки. Место, в котором за тебя приготовят еду, где есть удобные места, obsлуга, своя посуда. Просто сядишь и ничего не делаешь!.. Главное, платить. Атотолла с грустью посмотрел на свои тающие запасы товаров. А он ведь даже не добрался до заветной стек-тлы.

– Не сомневайтесь, там места будут! – неправильно понял сомнения толмекского предводителя четланин. – Сегодня накрыто и в зале, и на веранде, и под навесами. Obsлугу наняли вдвое больше обычного – еды готовят целую гору!

Широкий Дуб уже было развернулся, чтобы самолично отщипнуть немалую толику этой горы для своего вместительного живота, как вдруг резко хлопнул себя ладонями по бедрам.

– Вот Чужой напылил! Самое главное вам сказать забыл: я сообщил сиятельному господину Ннаке о ваших товарах! Как я и предполагал, завтра утром он прибудет и скупит у вас весь какашут, неизвестное количество меда. И, возможно, перец, – он заговорщически понизил тон. – Можешь смело требовать стек-тлу, князь...

И ушел.

Пеликан от последней новости повеселел. Всё-таки не с пустыми руками вернется! Похоже, в первый раз он в Амотлаткуа большой прибыли не получит. Но он многому научится! У него уже есть измерители, он знает, какие товары нужны в Излучном, а какие – нет. Куда идти, к кому обращаться, на что надо тратить сбережения, и в какую цену обходятся местные услуги. Из следующего похода он вернется богачом.

– Сгребайте эти треклятые раковины! – с облегчением махнул он своим людям. – Идем в таверну.

В таверне ему неожиданно понравилось. Он заглянул в зал. Подивился убранству, но свободные места были только под навесом. И это оказалось к лучшему. Во-первых, не нужно было есть за неудобными громоздкими штуковинами из палок и досок – они назывались столы. Под навесом все сидели на циновках, перед которыми стояли низенькие удобные столики. И то не везде. А во-вторых, здесь для посетителей пел бродяга. Старец с густыми седыми волосами выводил очень грустную протяжную песню на незнакомом языке, а рядом сидел два тощих мальчугана и подыгрывали ему на дудочке и маленьком барабанчике.

Песня была красивая, и все толимеки с грустью жаловались небесам на то, что не могут узнать, о чем она. По счастью, рядом нашелся знаток языков, который посочувствовал приезжим и кратко перевел песню.

– Старик пел о великом храме, во тьме которого сокрыто четыреста стражей-черепов. Ярким золотым огнем горят их глаза, день и ночь следят стражи за всеми восемью сторонами света – и ни один враг не попадет к храму незамеченным. Ранее все они были великими воинами и защищали родной холм от бесчисленных врагов. Было тех восемь тысяч, и вёл их младший сын самого Чужого. До последнего сражались воины и все полегли на том холме. Но защитили его. А кровь восьми тысяч врагов наполнила их души великой силой – и стали они бессмертными стражами. Утром жители пришли к холму, каждый бросил камень – и вырос над могилой высокий храм!

– Это где же такие чудеса творились?

– Да здесь же! – улыбнулся незнакомец. – За таверной площадь, а над площадью висится храм Золотого Змея, покровителя владыки Хуакумитлы. Вы не могли его не заметить днем!

Атотола, действительно, видел храм к востоку от рынка. Особого внимания не обратил – видел он храмы и повеличественнее. Однако, даже у такого небольшого храма, оказывается, есть своя мистическая история.

– А как давно пали четыреста стражей в великой битве?

– Этим летом, через пару лун, будет два года.

Князь Пеликан быстро опустил вниз глаза, чтобы незнакомец не обиделся, прочитав в них недоверие. И хмыканье сдержал. Он привык, что чудеса случаются исключительно во времена былые. Когда жили деды дедов. Легко поверить в то, что боги ходили среди людей и творили чудеса тогда, когда тебя и в помине не было. А у четлан, значит, чудеса происходят прямо сейчас?

«Хотя, если где и должна быть земля чудес, так это здесь», – улыбнулся Атотола и поблагодарил незнакомца за помощь. А еще вынул из мешочка пару осколков нефрита и подарил их старому певцу.

Ночевали толимеки, кто в лодках, кто на берегу, завернувшись в одеяла. Князь, кстати, узнал, что в Излучном и на этот случай имелась услуга – Гостевой Дом. За небольшую плату можно было получить на ночь мягкую циновку для ночлега: в теплом помещении, под крышей. Или даже целую комнату! Одному человеку – целую комнату! С постелью, дурацкими стульями, со своей водой в кувшине. Но на такие траты князь не решился и увел людей за ручей к родным лодкам. В горах оказалось непривычно прохладно, но настоящие мужчины легко выдержат любые испытания. Правда, под утро заморосил дождик, и плата за циновку не показалась такой уж высокой.

Правда, даже морось толимеков не разбудила – слишком длинным оказался прошедший день, слишком много было впечатлений. А поднял их тот, о ком они и думать забыли – Дитя Голода.

– Насилу нашел тебя, князь! – радостно заголосил вчерашний проводник, рассмотрев закутавшегося Пеликана. – Столько лодок! А я забыл, где мы вчера приставали!

– Ты?! – недовольно высунулся Атотола из-под пустой корзины, которую утвердил над собой, чтобы хоть голова не промокла. – Ты чего пришел?

– Как чего? – удивился Конечинмайла. – Сейчас из-за гор выйдет солнце и начнется Змеев День. И я, как обещал, всё тебе лично покажу, князь! Давайте костер разводить – дождь вот-вот кончится, я чувствую!

Толимекский князь и юный четланин шли в сторону площади. Атотола решил, что сегодня трудностей не возникнет, а потому с торговлей справятся и два его сводных брата от младших жен отца. Отдельно наказал им быть особо вежливым с неведомым большим человеком Ннакой, но торговаться до последнего. А сам взял проводника – и новые знакомцы снова устремились за ручей. Рынок на этот раз прошли быстро, не задерживаясь.

– Я вчера здесь был, – невольно похвастался князь, указывая на таверну, когда спутники оказались среди целого комплекса внушительных зданий.

– Я тут был утром, – как-то вяло улыбнулся Дитя Голода.

– Здесь так рано начинают кормить? – поразился Пеликан.

– Не всех... Утром на кухне могут раздавать еду, которую за вечер не съели.

Князь промолчал. Он догадался, какие люди ходят по утрам к кухне за объедками, и пощадил гордость четланина, оставив расспросы.

– А это что за дом? – перевел он тему.

– О, сюда лучше не ходи! – рассмеялся проводник. – Это Дом Удачи.

– Что это?

– Там играют в разные игры. И все игроки ставят свои богатства на выигрыш. Говорят, кто-то выходит оттуда, страшно разбогатев. Но все, кого я знаю, оставляют там всё, что принесли.

– Богатеют те, кто хорошо играют?

– Нет, там такие игры, где побеждает только удача. Например, там есть большой круг с нарисованными зверями. Круг крутят, а игроки выбирают зверя. Если специальная метка замирает на том звере, какого ты загадал – то ты выиграл. Мне не нравится это место, в этих играх от меня ничего не зависит. Только помощь духов принесет победу. Многие даже бегают к алтарям-автоматам, просят удачи, после чего ставят все свои богатства...

– И? – замороженно спросил Атотола.

– Проигрывают, – хмыкнул Комацинмайла. – Красный Хохолок говорит, что стыдно обращаться к высшим существам с такими низкими просьбами.

– А это кто?

– Красный Хохолок? Хозяин большого храма Золотого Змея Земли. Ты сегодня его увидишь.

Дитя Голода показал гостю из далекой Толимеки гостиницу – приземистое длинное здание, в который лично князь легко впихнул бы человек двести, но четланин сказал, что там ночует не больше восьмидесяти человек. Причем, сам Конечинмайла, не имевший средств на таверну, смог позволить себе ночевать в платном помещении.

– А что? – удивился он. – Там есть совсем недорогие места. Зато сухо и тепло.

Справа, у самого ручья стоял гостевой темескаль. Четыре купола парных с пристроенными печами были расположены крестом, от каждого к центру вел закрытый коридорчик. А в центре стояло квадратное здание без окон.

– А там что? – уточнил князь.

– В центре – общий бассейн. А у вас нет темескалей?

– Нет. Но я бывал в таком в Закатуле. Правда, без бассейнов.

Дорога, ведущая на восток, уперлась в пустоту. Перед спутниками открылась большая четырехугольная площадь. С севера к ней подступал тот самый мистический храм Змея: три высокие платформы, одна на другой, каменная лестница с южной стороны. Наверху здания не было, только алтарь и высокий идол Золотого Змея Земли. Над богом был сооружен навес, но не из пальмовых листьев или соломы, а из ярких тканей.

С других трех сторон площадь была условно ограничена невысокими каменными столбиками, выкрашенными известью. На площади былолюдно.

– Пойдем к храму, пока можно – рассмотришь его вблизи, – потянул Дитя Голода князя за руку, на ходу выпростав из-под рубахи какую-то странную подвеску: кожаный диск с нарисованными непонятными значками.

– А что это такое? – заинтересовался Атотоло.

– Это? Оберегающий амулет. Мне вчера выдали. Помнишь долговязого господина, что оставил вчера меня для опроса? Вот. Он меня спрашивал, а после дал амулет.

– А что спрашивал?

– Да разное. Непонятное. Что люблю, что не люблю. Кого спасу с затопляемого острова, если у меня есть лодка и одно свободное место. А еще: у дерева четыре ветки, на каждой ветке сидит по три кецаля, а у каждого кецаля по четыре змеиных пера в хвосте. Сколько всего перьев?

Пеликан, забыв обо всем, встал столбом и принялся сгибать и разгибать пальцы на руках.

– Сорок восемь, – улыбнулся Дитя Голода. – Пойдем уже.

Храм все-таки не очень впечатлил толимека: ни издали, ни вблизи. Резьбы нет, высота небольшая. Но невольно в голове зазвучал протяжный мотив вчерашней песни. Во мраке глубин пирамиды замерцали тени четырех сотен бдящих черепов... Удивительная земля!

Он пропустил момент, когда на первой платформе храма появились люди. Более десятка человек в длинных, пестро раскрашенных одеяниях и пышных головных уборах со множеством ярких перьев, выстроились и слаженно запели. Некоторые из людей наигрывали приятную мелодию на длинных дудках – выходило весьма красиво. Народ затих и обернулся к пирамиде.

На самом верху, перед алтарем возник жрец. Маска его была вырезана в высшей степени искусно и наверняка отлично защищала естество жреца при общении с духами. Даже Атотоло смотрел в оскаленную пасть и невольно содрогался от ужаса. В руках у жреца были маленькие барабанчики-трещотки, на руках и груди висели звонкие колокольчики, а длинную рубаху украшали тяжелые медные изображения высших духов, породивших зверей и людей. Входя в экстаз от ритуала, жрец медленно спустился на вторую платформу... и снял маску!

– Безумец! – ошарашенно пробормотал князь. – Неужели он не боится?

А жрец отдал маску одному из певцов, воздел руки – и тишина каменной плитой придавила площадь. Посредник богов зычно и страстно заговорил что-то, обращаясь к народу. Пеликан не понимал ни слова, но и его пронизала насквозь сила жреца. У того был только

один здоровый глаз – правая глазница была покрыта сеткой багровых шрамов. Однако, даже левый полыхал практически настоящим пламенем – оторваться не было сил. Божий человек вещал что-то, а люди вокруг тихо ахали и прикладывали ладони ко лбу. Даже Конечинмайла поддался всеобщему экстазу.

«Наверное, жрец рассказывает им про своего бога. Про Змея Земли» – догадался князь. – Вот это и есть Красный Хохолок, – шепнул Дитя Голода своему спутнику.

В это время жрец радостно воскликнул и протянул руки к востоку. Дудочки запели что-то бодрое, с востока им отозвались другие – с более низким и даже грозным голосом. Толпа зашевелилась.

– Скорее! – потянул проводник толмекка за руку. – Нужно уйти за граничные столбы.

Они отошли к югу, в сторону ручья, стараясь остаться в первом ряду. Однако, остальные тоже мечтали об этом, а этих остальных на площади собралось дважды четыреста! А то и трижды. Началась возня, грозящая перерасти в свалку, но она быстро стихла. На площадь вышли стражи. Двадцатка за двадцаткой. Рослые, плечистые, в матерчатых панцирях, украшенных шлемах, с толстыми расписными щитами и здоровенными маками на плечах – они обходили площадь по краю, грозно поглядывая на излучинцев, которые вели себя неподобающе. Возня тут же прекращалась.

– Золотые! – восторженно прошептал Дитя Голода.

А затем вынесли владыку четлан. Атогола чуть не вывернул шею, когда заметил паланкин, который несли со стороны востока – там находились дворец и крепость владыки. Только его не несли... Богато украшенный тканями, перьями и резьбой паланкин двигался сам! Сам? Пеликан ничего не понимал. Видно было плохо, князь раздвинул зевак, чтобы рассмотреть и даже нарвался на грозный окрик стража. Но носильщиков совершенно точно не было! Вместо этого паланкин покоился на... на двух каких-то кругах. Которые вращались и двигали владыку.

Вернее, не так! Пеликан, наконец, увидел. Впереди паланкина шли два молоденьких тапира! С помощью каких-то приспособлений животные тянули две жерди, прикрепленные к паланкину. Два небольших тапира легко тянули большущие носилки и немаленького владыку!

«Я не тому удивляюсь! – оборвал князь сам себя. – Два тапира, словно домашние собачки, послушно идут и тянут за собой паланкин! Где такое видано?».

Справедливости ради стоило уточнить, что животные очень робели. Но рядом с каждым из них шло по человеку, которые придерживали зверей за ремни, поглаживали тапиров и шептали им что-то успокаивающее.

Атогола так увлекся паланкином и колдовством, которое усмирило диких зверей, что даже не особо рассматривал правителя четлан. Тот сидел прямо, глядя «в вечность», укутанный в драгоценный плащ, который полностью скрывал его фигуру. Паланкин остановился напротив лестницы, что вела на вершину храма. Легко поднявшись на ноги, владыка сбросил плащ и сам спрыгнул на землю. Атогола впервые увидел маленькую усохшую правую руку правителя. Значит, правду говорили. А еще говорили, что именно этой рукой Хуакумитла убил своего кровного врага, который вступил в бой против владыки. Мол, в калечной руке хранится сила Змея, которая пробуждается в нужный момент.

Сухая Рука был облачен в потрясающей красоты головной убор с перьями десятка разных птиц. Его плечи украшало богатейшее оплечье из множества красивых камней. А вот на тело была надета простая рубаха, украшенная только лишь изображением Змея. Владыка поднял руку (левую, здоровую) и махнул ею на три стороны. Четлане заголосили радостно и принялись махать в ответ, но как бы, наоборот, подгребая.

«Благословение?» – догадался Пеликан.

Сухая Рука быстро поднялся на вторую ступень храма. Обернувшись к народу, он принялся что-то увлеченно вещать, размахивая рукой. Время от времени толпа дружно взрвы-

вала, поддерживая своего правителя. А затем из-за спины Хуакумитлы вышел жрец. Красный Хохолок держал в руках богатую чашу и обсидиановый нож.

«Время кормить бога» – догадался князь.

Он ждал, что сейчас выведут пленных, либо священную добровольную жертву, но случилось странное: из толпы на площадь с криками радости выскочили сразу несколько человек – пять или шесть. И стражи не стали их останавливать. Вознеся над головой руки, они (мужчины и женщины разных возрастов) начали подниматься к лестнице.

– Это божьи люди, – взволнованно прошептал Дитя Голода. – Так много сегодня...

«Божьи люди» дошли до Красного Хохолка и протянули ему руки. Жрец, вознеся молитвы, полосовал ножом одну за другой и подставлял чашу. Кровь из ран капала, а люди нестройно пели какие-то священные песни, которые подхватывала толпа внизу.

«Они дарят свою кровь богу, – понял Атотолла. – Бог берет в меру, но у многих... Какой странный у них договор».

Первым жертвам быстро перевязали раны, а под нож свои руки уже подсовывали люди в длинных одеждах, которые пели песни в самом начале. В итоге, чаша наполнилась едва не до краев. Владыка принял ее одной здоровой рукой (силен Хуакумитла!) и поднялся на верхнюю платформу. Поставив чашу, он окунул руку в кровь и принялся – на глазах у всех! – мазать жертвенной влагой морду идолу. Толпа ревела!

Атотолла решил, что праздник близится к завершению, но всё только начиналось! Хуакумитла спустился, снова произнес какую-то речь, вызвав новую бурю радости. Стражи вновь очистили восточную дорогу – и по ней двинулось войско. Сначала прошли уже знакомые князю золотые стражи. Правда, вместо изысканных головных уборов у них были невысокие кожаные шапки, и щиты не столь разукрашенные. Во главе этих воинов шел немолодой вождь. Такой здоровый, крепкий и кряжистый, что казалось, будто он вытесан из камня. Здоровяк рявкнул – и золотые, как единый организм встали. Новая команда – и воинство рассыпалось. На каждый выкрик командира – слитное слаженное движение. Удар макой (или топором) – подъем щита – удар из-под щита – толчок невидимого врага – резкий выпад. Пеликан замороженно следил за этой организованной мощью...

А за золотыми следовал уже новый отряд. Пестрые одежды, хитрые взгляды, слегка насмешливые улыбочки... и знакомые белые знаки на плечах и руках! Так ведь у таких же парней толимеки выкупили прилавок! Эти воины были налегке: никаких щитов, толстые шапки и доспехи только у некоторых. Но у каждого с головного убора сбоку свисал пушистый хвостик какого-нибудь мелкого зверька. А в руках они несли длинные крепкие луки.

– Это Белое воинство, князь, – пояснил Пеликану Дитя Голода. – Стрелки. Хозяева лесных троп.

Белые в это время выхватили по стреле, мигом наложили их на тетивы и запустили прямо в небо. К каждой стреле были привязаны яркие ленточки – и небеса расцвелись всеми цветами радуги. А лучники уже сделали второй залп! Третий.

Стрелы, конечно, были тупые. Ленточки мешали им лететь быстро, так что снаряды попадали на площадь и даже немного в толпу, не причинив никому вреда. И тут же пошли на сувениры.

Не успели белые отойти в сторону, как на площадь выдвинулись новые бойцы. Перед плотной, укрытой щитами колоннами несли большое полотнище с черным треугольником на светлом фоне.

– Вот они, – замороженно прошептал четланский проводник. – Воины Черной Горы.

Совсем другие. Атотолле сразу бросились в глаза высокие овальные щиты, которые закрывали большую часть тела бойца. Кроме того, каждый был облачен в толстую кожаную шапку с нащечными пластинами и матерчатую кирасу. А еще – их руки до локтя и ноги до колена были обмотаны слоями толстой кожи. И не только...

«Да это их нужно было назвать золотыми!» – мысленно воскликнул толимекский князь. Ибо воины эти едва не сияли от изобилия желто-красного металла!

Большие сияющие пластины были прикреплены к кирасам сверху, закрывая плечи. Лоб на кожаных шапках также был укреплен выгнутой чашкой из этого сплава. Тонкие полоски металла крепились вдоль кусков кожи на руках и ногах. Но главное даже не это. В правой руке почти у каждого черного было не очень длинное копьё... которое сияло на солнце острым наконечником из такого же металла!

Колонна медленно входила на площадь, плавно заворачиваясь в круг, а Пеликан затуманенным взором видел змея. Огромного Золотого Змея, который вползал на открытое место и свивался кольцом.

– Сколько же их? – в никуда спросил князь.

– В каждом ряду по пять человек. Рядов всего сорок, – пожал плечами Конечинмайла, как бы сообщая очевидное. Но увидел растерянный взгляд своего сотоварища и пояснил. – Десять двадцаток. Двести. Ну, почти.

В строю, кстати, с копьями и щитами шли не все. Каждый правый в ряду воин вообще не имел щита. А на плече держал длинное древко, намного больше своего роста. И каждое такое древко увенчивал тяжелый и острый клюв из того же желто-красного сплава. Страшное оружие.

К этому времени «змея» окончательно свернулась в кольцо, заглотив собственный хвост. Раздалась гортанная команда – Черное воинство резко перестроилось. Щитоносцы развернулись и выстроились в две линии. Щиты плотно сомкнулись, оперевшись нижним краем в землю. Воины слегка присели, так, что над кромкой щита выглядывали только их глаза. Вся «змея» ошетилилась «шипками». Это воины выставили перед собой копьё: первый ряд – на уровне пояса, второй – над плечами первого ряда. А над головами щитоносцев грозно покачивались тяжелые металлические «клювы».

Повинуясь приказам невидимого начальника, кольцо по команде двигалось то в одну, то в другую сторону. Все двести человек! И плотность стены щитов не нарушалась. Невольно Атотла задумался, как бы он стал атаковать подобную шипастую змею – и невольно передернулся, осознав бесплодность подобных попыток.

А та зашевелилась. Строй распался, отдельные двадцатки вытянулись в тонкие линии, которые быстро перегородили площадь вдоль и поперек, тем самым, поделив ее на почти равные участки. В центре началось какое-то суетливое движение – и над людской массой вознесся человек. Именно вознесся, а не подпрыгнул или забрался на плечи. Атотла догадался: он просто встал на щит, которые подняли над головами другие черные.

Был этот человек не особо крупный, весьма молодой, в обычном доспехе (если можно так говорить об удивительном доспехе этих воинов). Ничем не выделялся. Но он окинул взглядом притихшую толпу – и такая власть волной окатила всех стоявших, что даже у князя колени слегка дрогнули.

– Ну, сейчас начнется... – с горящими глазами прошептал Дитя Голода, сжимая и разжимая кулаки.

– Что начнется? – насторожился князь.

– Как?!... Ах да, ты же не знаешь. Сейчас начнется большой смотр – игры Горы! Каждые полгода, в День Змея, Черное воинство принимает в свои ряды одного человека. Все равно, кто он и откуда. Но он должен быть самым лучшим! Я ведь для этого сюда и приехал!

– Ты? – князь недоуменно окинул взглядом шуплого мальчишку. – Ты хочешь стать одним из черных?

– Хотят все, – улыбнулся Дитя Голода. – А я стану.

Он решительно шагнул вперед, следуя призыву командира черных. Почти сотня юных парней и взрослых мужчин сделали тоже самое. Целая сотня четлан горела желанием получить место в Черном воинстве. Начались игры Горы.

Сначала участникам предстояло бороться друг с другом. Их разбили на пары, и князь невольно закусил губу: по жребию противником его знаконца оказался просто огромный здоровяк. Он тоже выглядел молодо, и был скорее полный, чем мускулистый... Но всё равно, эта туша на больших весах Широкого Дуба перевесила бы троих Дитятей Голода. К тому же, здоровяк был явно местный – в толпе зевак его поддерживали более десятка друзей или родственников.

По счастью, на первом испытании не нужно было драться. Черные выкатили на площадь множество коротких гладко оструганных бревен. Каждому сопернику дали по кожаному мешочку, набитому песком, на длинной веревке. А потом объяснили задание: надо скинуть с бревна врага, а самому устоять.

Соперники вместе вскочили на бревно. Поначалу они стояли на расстоянии, отпихиваясь друг от друга свободными руками, а мешочки с песком держали сзади, на отлете. Атотола понимал, что Конечинмайле даже смысла нет бить толстяка. Слишком мало силы будет в ударе, так что нужно искать другой способ. Наконец, здоровяк решил перейти к активным действиям. Хорошенечко отведя руку (нет, лапу!) назад, он с уханьем обрушил свое оружие на щуплого врага. Однако Дитя Голода среагировал моментально: резко присел, сохраняя обе ноги на бревне, и мешок с песком пролетел над его головой. Излучинец вложил столько силы в удар, что его невольно повело вслед за оружием, и толстяк слетел с бревна сам. Победа оказалась быстрой и на удивление легкой.

– Да! – радостно заорал Пеликан, неожиданно сильно увлекшийся этой борьбой.

Для следующего испытания черные прямо на земле площади начертили более двух десятков больших кругов. Новой задачей стало вытолкнуть, выкинуть соперника за границу круга.

«Вот, наверное, сейчас толстяк кусает локти, – усмехнулся князь. – На этом испытании ему бы не было равных».

Победителей первой игры снова поделили на пары, и против Конечинмайлы оказался четланин заметно постарше. Он не выглядел толстым или атлетичным, скорее, наоборот. Но зато был намного выше, чем Дитя Голода. Даже выше Атотолы.

Соперников загнали в круг и дали сигнал к схватке. Четлане сначала кружили на расстоянии, оставаясь на противоположных концах круга. Выставив руки перед собой, они пытались поймать противника на ошибке. Наконец, долговязый решился на сближение. Используя длину своих рук, он потихоньку загнал паренька к краю круга, а, когда тому уже некуда было деваться, попытался поймать его. Дитя Голода отбрасывал руки, как мог, но вскоре они зацепились и схватились друг за друга изо всех сил. Проводник князя был в невыгодной ситуации, он находился гораздо ближе к краю, чем его противник. Долговязый если и был тяжелее, то не намного. И просто выдавить Конечинмайлу наружу не мог. Он принялся раздергивать паренька из стороны в сторону, надеясь, что тот потеряет равновесие. Однако, Дитя Голода отлично чувствовал, куда его тащат, и тут же всем весом начинал давить на противоположную сторону. Реакция у него снова оказалась лучше, чем у соперника.

Наконец, долговязый психанул и, зарывчав, начал давить на проводника всем телом. Дитя уперся лбом в район ключиц своего противника и сопротивлялся, как мог. Он уже весь вспотел от натуги, но не сдавался. Впрочем, долговязый выглядел не лучше. Он давил, широко расставив ноги и уже всем весом навалившись на малыша. А дальше Атотола даже не понял толком, что произошло. Сначала показалось, что Дитя Голода рухнул от слабости. Но нет! Мокрый от пота проводник скользнул вниз и вперед, опустившись на четвереньки под долговязым. Последний, давивший вперед изо всех сил, вдруг утратил сопротивление и по инерции провалился в пустоту. Практически шлепнулся на спину Конечинмайле. Тот же, оттолкнувшись

от земли руками, поднялся, разогнулся. Из-за высокого роста большая часть веса долговязого оказалась «по ту сторону» схватки. Дитя Голода напрягся и сбросил противника назад. Как раз за линию круга.

– Отлично, парень! – не сдерживаясь, заорал князь и понял, что за мелкого болеет уже не он один.

Третья игра была сложнее. Двадцати шести победителям выдали настоящие щиты и специальные палки, соответствующие длине копий. Только вместо удивительных желто-красных наконечников на них намотали куски мягкой тряпки. А потом против каждого вышел черный с таким же снаряжением.

Казалось бы, задача простая – надо хотя бы раз поразить «копьем» опытного воина. Одна заковыка: воин был опытный. Против Дитя Голода вышел тоже невысокий воин скромной комплекции. Он не казался особо быстрым или сильным. Только вот щит и копье для него были словно продолжения рук. А парень-проводник, похоже, был не очень знаком с таким оружием. Копье еще более-менее, а вот щит он держал на выносе, во время атак частенько уводил его в сторону, чуть ли не за спину, забывая о защите.

Тем не менее, поначалу Конечинмайла надел на черного. Мальчишка и впрямь был резвым. Он очень хотел поскорее ткнуть в мягкое и пройти уже на последний круг игр. Только ткнуть не получалось. Опытный воин был сдержан, даже неспешен. Но его щит всегда перекрывал все возможные направления атаки. Он легко сбивал шустрое копье «врага», прижимал его к земле. Пару раз черный даже крепко ударил паренька... щитом! Один раз плоскостью, второй – ребром.

«Он не сражается с Дитем Голода, – понял вдруг Атотол. – Он учит его!».

И проводник учился. Работал со щитом всё лучше и лучше. Только черный тоже не оставался на месте. Он всё активнее сопротивлялся наскокам юноши и даже начал подключать к схватке свое «копье». Несколько ударов по разным уровням Дитя Голода кое-как отбил. Но тут воин наложил свой щит сверху на вражеский и начал давить изо всех сил. Сам же в это время сунул палку под ноги проводнику. Тот невольно присел, начал отступать назад, зацепился за копье ногами и позорно рухнул на землю. Тут же быстро подскочил и изготовился к бою, но черный уже отступил назад, поставив щит и «копье» строго вертикально.

– Нет, парень, – покачал он головой. – Извини, но рановато тебе еще в Черную Гору.

Дитя Голода вспыхнул, уронил оружие. А потом кинулся в толпу.

– Парень! Стой! – попытался остановить знакомого Атотол. – Ты отлично себя показал! Я даже не ожидал...

Багровый от унижения Дитя Голода ничего не слышал. Ловко ввинтился в толпу и пропал. Князь не стал его искать – всё-таки хотелось посмотреть, чем дело закончится. На площади завершались последние поединки. Было видно, что почти везде черные сражались не всерьез. Они лишь проверяли возможности участников игр. В толпе поговаривали, что лишь двое претендентов действительно задали жару ветеранам воинства Горы. Кроме них, черные допустили нанести себе «раны» еще четверем игрокам, которые показали себя хорошо. Таким образом, на последний круг вышли шестеро. Им оставили безопасное оружие и объединили в единый отряд. Пока опытные воины объясняли игрокам новую задачу, остальные черные быстро соорудили из бревен широкий проход с небольшим коридором.

– Вы должны будете защищать ворота! – объявил глава воинства. – Вас будет атаковать двадцатка воинов. Как только последнего из вас вытолкают из коридора – бой закончится.

И это был эпичный бой. Новички своими щитами впритык перекрывали проход между бревнами. Они яростно оборонялись, но и черные теперь не сдерживались. Двадцать сильных бойцов надели на живые ворота со всей силой и яростью. Они гневно кричали боевой клич, непрерывно били своим оружием в любую самую маленькую щель. Если бы «копья» не имели

смягчения... Хотя, князь был уверен, что и от таких палок игрокам изрядно досталось – синяков будет много.

Финальная шестерка отбивалась героически. И все-таки ветераны вытеснили их достаточно быстро. Последний игрок (из тех, что в прошлом круге сам надавал черному) практически зубами вцепился в последние бревна коридора, но противники с веселым смехом вынесли и его. Парень тоже смеялся, ибо оказался последним защитником ворот. А значит, победителем.

Тем временем, двадцатка черных собралась в кружок. Воины что-то увлеченно обсуждали, а потом старший из них ткнул пальцем в другого воина.

В другого! Победителем игр объявили парня, который вылетел из коридора гораздо раньше ловкого бойца. Глава Черного воинства начал что-то объяснять, а Атотолу ни слова не понимал. Между тем, в его груди клокотали мысли: Что случилось? Почему лучшим признали этого парня? Он не на шутку разволновался.

– Что? Что он говорит? Что случилось? – кидался князь ко всем своим соседям.

Наконец, кто-то понял его толимекскую речь.

– Черный Хвост говорит, что их войско всегда славилось чувством локтя, – перевёл доброхот. – Последнее испытание на играх Горы дается не для отдельных воинов, а для всего отряда. Тот шустрый парень, что вылетел последним – прекрасный воин. Но во время боя он думал только о себе. Ему было плевать на остальной отряд. А тот парень, на которого указала двадцатка, сражался в строю, защищал своих товарищей, боролся за общую победу, а не личную...

Атотолу слушал, растерянно опустив руки. Как это всё было странно и непривычно. Ведь для любого воина всегда высшей ценностью была личная храбрость, личное умение. Все мужчины, живущие не только выращиванием маиса или хлопка, всегда стремились доказать свое превосходство над другими... Эти черные – очень странные воины.

Князь не дождался церемонии награждения. Впечатлений было и так уже слишком много. К тому же, хотелось отыскать Дитя Голода. Успокоить парня – он слишком близко к сердцу принял свою неудачу.

Только вот где он?...

Часть I. Денег нет, но

Глава 1. Уникум

– Готов отчет по Дню Змея?

Передо мной стояли два моих «секретаря» – Добчинский и Бобчинский. Я сам их так прозвал, хотя, парни были категорически не похожи друг на друга. Долговязый сутулый Добчинский и бочкообразный Бобчинский не менее радикально отличались и характерами. Объединяло их только одно – феноменальная память. Собственно, что и привело их в «секретари». Если нужно передать длинный и сложный приказ, не исказив содержания – я зову Доби и Боби! Если нужно получить издали информацию слово в слово – посылаю Доби и Боби! Незаменимые люди в ситуации отсутствия письменности. После войны с пурепеча и расширения моей «империи» работа по управлению резко усложнилась. Я даже в Излучном не мог присутствовать везде сам, не говоря о более дальних владениях. Так что стал просто счастлив, обнаружив талант сначала у Добчинского, который до этого просто растил маис в роду Клювастых Крыс. После, уже целенаправленно, нашел толстяка Бобчинского. И мужики невзлюбили друг друга люто! Однако свое дело делали, заметно упростив мне работу.

Много ее было. Работы. Пурепеча молча проглотили обиду от поражения. Никаких договоров с нами не заключали, но и мир больше не нарушали – вот уже почти два года. Так что я занялся внутренними делами. После того, как Черное Урочище во главе с Ицкагани присоединилось к моим владениям, началось «триумфальное шествие» сухоруковой власти. Меньше чем за месяц все четланские общины прислали гонцов и радостно признали правление владыки... Собственно, только благодаря этому мы в Излучном не померли с голоду до сбора урожая. Да, первое мирное лето вышло тяжким. Мы латали дыры, восстанавливали силы, возрождали «производство». И искали еду.

А еще мне пришлось заняться «административными реформами». Число подданных выросло вдвое, и территории новые появились. По аналогии со стариком Кочи, который носил почетный титул Правой Руки и управлял долиной Серой Воды, я назначил Ицкаганилевой Рукой и отдал ему под управление всех четлан в долине Мезкалы. Новый союзник титулом весьма гордился, ведь моя левая рука была во много раз сильнее скрюченной правой. Обе Руки собирали подати, организовывали работы и имели административную власть. Но не военную! Еще до войны я разделил в Крыле «гражданскую власть» и «армию» – мне феодальные князья не нужны.

До конца осени мы довели число Золотого воинства до 240 человек. Шесть двадцаток служили в Излучном, а по три – в Крыле и Черном Урочище. У них были свои командиры, которые подчинялись не Рукам, а генералу Глыбе и мне. Я придумал еще одну штуку: каждые полгода (в день Змея, приходящийся на весеннее и осеннее равноденствие) эти отряды перетасовывались и начинали служить на новом месте. Чтобы не привыкали, не обрастали связями и считали, что служат всей «державе», а не одному вождю.

Ополчением в селениях занималось Черное воинство. Я обязал каждую деревню иметь хотя бы одну двадцатку подготовленных и более-менее вооруженных парней. Черный Хвост высылал своих ветеранов для организации таких отрядов, а после – для инспекции.

Кстати, количество черных также выросло. До первого урожая мы восстановили первую сотню, а, когда поля на Сухотье показали свою высокую производительность, то нарезали новые участки и постепенно почти набрали вторую. Если золотые для моей казны на самом деле были «золотыми», то черные содержали себя сами. Их снабжали оружием, доспехами, но ничего не тратили на житьё-бытьё. Воины «Черной Горы» содержали себя сами. Более того,

если первое копьё новобранцу торжественно вручал Черный Хвост, то следующее (в случае поломки или потери) бойцу пришлось выкупать из казны за свой счет. Это же касалось щитов и прочей воинской амуниции.

Главная, особенность черных – это регулярные сборы, на которых они оттачивали не индивидуальный бой, а командную работу. Причем, воинство создавалось как кадровая часть. В любой пятерке каждый боец мог исполнять обязанности командира. А командир пятерки мог возглавить двадцатку. Как во время войны с пурепеча, теперь щитоносцы «Горы» могли вобрать в себя большое количество ополченцев и за считанные дни создать из них целую армию – в четыре раза больше своего нынешнего состава. Причем, даже в мирное время черные охотно приглашали на свои сборы «гражданских» – чтобы «нюхнули пороху». Прошлись в общем строю со щитами, потыкали друг друга тупыми копьями.

Если честно, Дни Змея были придуманы как раз для этого. Демонстрация силы народу, а затем массовые тренировки со всеми желающими. Это потом уже Черный Хвост сказал:

– А давай, Хуакумитла, устраивать испытания и приглашать в наши ряды самых лучших! Всё равно за полгода появляется несколько свободных мест: кто-то выбывает по возрасту, по болезни или даже погибает... Будем брать лучших, но и с остальными тоже потренируемся».

В итоге, всё больше мужчин Излучного (и не только) получали какой-никакой боевой опыт. И, в случае чего смогут встать в общий строй. Для этих... «резервистов» казна моя из всех сил создавала арсенал с запасным оружием. Увы, этот процесс пока находился в зародыше.

Но самое интересное за эти годы случилось с Белым воинством – с лучниками. Муравей-Аскуатла подошел к созданию отряда грамотно и весьма творчески. Начну с того, что я (балбес и дырявая голова!) назначил командиром стрелков человека с прозвищем Слепыш! Вообще вылетело из головы, что у парня проблемы со зрением. По счастью обошлось: Муравей плохо видел вблизи, а вот в дали мог сосчитать пятнышки на шкуре олененка. То есть, страдал банальной дальноркостью, которая не помешала ему за несколько месяцев неплохо овладеть азами работы с луком. Людей в отряд он подбирал поштучно и только за личные заслуги, умения и навыки. Белое воинство росло медленно, зато очень быстро превращалось в сплоченную самобытную группу.

Во-первых, Аскуатла увел своих людей из Излучного. Они переправились на южный берег Серой Воды, разбили там постоянный лагерь, где жили и тренировались. Интуитивно Муравей нащупал основные принципа тимбилдинга и всю их использовал. Его воины носили свои особенные элементы одежды, наносили тайные знаки на тело. Вечерами постоянно устраивались посиделки, на которых награждали отличившихся: в обучении или мастерстве. Старого гуамара Мокрое Лицо (который обучал парней делать луки, стрелять из них и даже периодически попадать) окружили почти мистическим почетом, называли исключительно Дедушкой, учили его язык и обычаи. Некоторые даже переняли, сделав своей исключительной «фишкой».

День, когда Мокрое Лицо заявил, что всему научил четлан, и пришла ему пора уходить, запомнился многим. Муравей закатил в своем лагере пир горой. Старика кормили и поили, развлекали музыкой и плясками... А потом пустили ему кровь. Белые тщательно изучили гуамарский похоронный обряд, ибо это было в условиях договора, который я заключил с наемниками. Муравей и его люди похоронили Мокрое Лицо со всем тщанием, а его могила стала святыней для отряда. После этого татуированная черная капля на правой щеке стала почетным знаком для лучников. Ее позволяли колоть только самым выдающимся бойцам.

Но это еще не всё. Муравей уже через пару месяцев интуитивно понял, что создает совершенно уникальное подразделение со специфическими задачами. Его воины нужны не для прямых боевых столкновений. Лучники должны быть легки и быстры, возникать там, где их не ждут, осыпать врага ливнем стрел и исчезать, не дав до себя добраться. Белые просто созданы для разведки, шпионажа и провокаций. Поэтому он отказался от всех этих тяжелых (хоть и

матерчатых) доспехов, наручей и поножей (которые я начал вводить в других воинствах). С другой стороны, Муравей выкинул нафиг все эти перья и прочие демаскирующие украшения, которые так любит индейская «солдатня». Своим бойцам он оставил только крепкие защитные шапки из кожи и прочные сандалии для бега по горам. К шапкам лучники повадились крепить хвостики разных лесных зверей, что также служило маскировке.

Разумеется, к постоянным упражнениям в стрельбе добавилась новая тренировка – походы. Ежедневно часть отряда, небольшими группами уходила в горы, училась ходить бесшумно, чтобы даже чуткий тапир не учуял, выслеживать людей и зверей, маскироваться и стремительно перемещаться по весьма пересеченной местности. Со временем, походы становились всё длительнее. И вот уже белые уходят на две пятерки дней, в горы диких оцколи, изучают: где те живут, что делают. А потом Муравей собирал и обобщал разведанные о наших беспокойных соседях. Без ложной скромности могу сказать, что на сегодня мне известно обо всех основных общинах горцев к югу и к северу от Серой Воды. Мы знаем о самых выдающихся вождях, кто с кем враждует и даже, кто что замысливает (отчасти, конечно). Только на самом востоке горы были еще не исследованы лучниками Муравья.

А за походами логичным продолжением стала охота. Как еще практически применять навыки в стрельбе, если войны нет? Ежедневно пара десятков из неполной сотни уходили за добычей. Так Муравей вывел свой отряд на самоокупаемость. Вообще, я думал, что служба белых будет оплачиваться, как и золотых. Казне пришлось бы поднатужиться, но она справится с такой задачей. Однако, Аскуатла внезапно облагодетельствовал казначея Ннаку. Поначалу лучники кормили добытым мясом только себя. Но его было так много, что белые принялись вялить, коптить и солить. А еще выделанные шкуры, кожа! Рога и копыта в предприимчивых руках тоже становятся неплохим товаром. Кроме того, имелся постоянный заказ лично от меня: юные поросята-пекари. Я готов был скупать их в неограниченных количествах.

Бизнес Белого воинства достиг такого размаха, что Муравей даже зарезервировал на рынке постоянную лавку! Полученные доходы шли на содержание отряда... ну, и что греха таить – на регулярные гулянки. Кутежи сплавивали лучников сильнее общих тренировок. В последнее время они даже устроили в Излучном несколько массовых потасовок, окончательно застолбив за собой репутацию отъявленного хулиганья. Причем, в подобных случаях Муравей, такой разумный и лояльный (мне, разумеется), всегда был горой за своих! Корпоративный дух – сферический и в вакууме. Я смотрел на наивные «хитрости» своего третьего военачальника, тихо посмеивался, но пока решил не обрубить ему крылья – творческие и креативные люди мне нужны!

А это действительно была беда. Кадры! Кадры были главным дефицитом, ценнее любого золота или стекла. Потому что все идеи надо воплощать. Надо «допиливать» на местах и адаптировать к имеющимся реалиям. Я мог сколько угодно всего навспоминать и напрогрессорствовать – но кто это воплотит? Кто поймет задумку во всей полноте и обладает достаточными личностными качествами для ее реализации? Я не строил иллюзий: среди четлан таких талантов, как Муравей или Ннака с Лучом Света, были единицы. Подавляющее большинство – это обыватели с практически первобытным мышлением. Закостенелые мозги, опора исключительно на пережившую века традицию, полное отсутствие инициативы. Нужно просеять тонны пустой породы, чтобы найти несколько жемчужин.

И для этого мне тоже нужны были Добчинский и Бобчинский, мои верные секретари.

– Кто на празднике занимался опросом новых людей?

Вперед шагнул своими ходулями Добчинский. Откашлялся и начал отчет:

– Владыка, я дежурил перед рынком весь день и выявил шестнадцать пришлых, которые, вероятно, задержатся в Излучном. Опросил всех. Девять человек не показали выдающихся результатов по всем шкалам...

Доби гордо выговорил непривычное слово «шкалы», которое явно как-то подслушал в моей речи. Я вообще старался не засорять четланскую речь лексикой из своего времени, но, порою, никак без них! Так появились в четланской речи «стек-тла», «кора-пиль» и еще с десятков искаженных русских заимствований. Но вот «анкета», «шкала» – это я держал при себе. Однако секретари мои на память дюже крепкие ребята! Что услышат – сразу в закрома памяти!

Да! Змей меня задеря, я все-таки занялся анкетами! Еще в первый год в Крыле я поставил себе такую задачу, и только прошлой осенью смог этим заняться. Первая большая комплексная анкета должна была просто выявлять разные склонности людей, уровень их талантов в разных областях жизнедеятельности. Более пятидесяти вопросов и ситуаций, адаптированных к жизни четлан – я убил уйму времени на ее создание. А ведь это должен быть только первый шаг. Чтобы просеять породу и отобрать жемчужины. И просеивали как раз Добчинский с Бобчинским. Феноменальная память позволила им запомнить все вопросы, все варианты ответов – на листочках они лишь помечали номер вопроса и номер варианта ответа. Эти двое за полгода опросили не меньше тысячи мужчин и более сотни женщин (их я тоже не сбрасывал со счетов). Постепенно, они разобрались в механике анкетирования и даже научились сами отсеивать тех, кто выдавал «плохие результаты». Я так не мог. Мне надо положить перед глазами саму анкету, разбить ответы на отдельные шкалы и подсчитать результаты на бумажке.

Вот что значит дикарская память, не испорченная «костылями» письменности! Хотя, надо признать: Добчинский и Бобчинский были уникалами даже среди своих. Они запомнили все вопросы и ответы, в голове разбивали их по темам-шкалам, помнили, какие ответы считаются «плохими» – и сходу выдавали мне, кто бесперспективен. А с остальными я уже сам занимался. В моем кабинете, в картотеке собрано почти четыреста «личных дел». В них – итоги общей анкеты, результаты моих личных наблюдений. Настоящих жемчужин было совсем мало. Но картотека уже давала свои плоды: я время от времени перебрасывал людей с одной работы на другую, привечал талантливых гостей, уговаривал их остаться и работать на меня. Рано или поздно эта система начнет работать по-настоящему эффективно.

– Хорошо. Девятерых вычеркиваем, – продолжил я разбираться с новым поступлением в Излучное. – По остальным что?

– Вот, владыка, пометки, – подошел к столу Добчинский и положил несколько листочков. – Все ответы, а еще нагрудные знаки подрисованы, которые я им выдал. Велел носить, не снимая, чтобы их потом легко было найти. Но двое из семи – не четлане. Они с севера приехали с торговыми людьми. Не знаю, останутся ли. Из прочих я бы хотел особо отметить... – секретарь засуетился, перебирая листочки. – Вот! «Дятел и цветок» – вот этот парень. Совсем молодой, но многие его ответы – самые лучшие из возможных. А задачи на разумность решал чудо как быстро!

Лучшие из возможных? Ну-ка, ну-ка! Я придвинул листок к себе, достал анкету и начал высчитывать. Действительно, по шкале интеллекта – высший балл. Очень высокие показатели по эмпатии/интуиции, по нравственности. Инициатива – тоже почти максимум! Неуравновешенный характер... Но это логично, при таких-то данных. Я выписывал колонку баллов и плавно округлял глаза. Самородок какой-то! Это даже не жемчужина, это...

– Парень, говоришь?

– Да, владыка! Совсем молодой. С юга приехал, с какого-то окраинного селения. Звать – Дитя Голода.

– И имя даже запомнил?

– Да он такой плюгавый, владыка, полностью имени соответствует – как не запомнить!

Еще в черные хотел.

– Что?

– Да, владыка, так и сказал: приехал для участия в игре Горы, хочу, мол, служить в Черном воинстве.

– И... как? – я пытался вспомнить, кто на этот раз победил в Игре, но не выходило.

– Нет. В финальной группе его точно не было. Наверное, с бревна еще вылетел. Говорю же: плюгавый он совсем.

– Слушай, Доби, – протянул я, вчитываясь в удивительные комбинации цифр на листочки. – Ты сейчас, наверное, брось все дела. И найди мне этого уникама. Как бы он не уехал из Излучного.

– Найду, владыка! Сразу вести к тебе?

– Нет, зачем же? У меня сейчас совет будет. Ты главное найди его. И не дай уехать. В гостевом доме посели, если нужно. За мой счет.

Долговязый секретарь кивнул и удалился. Я повернулся к Бобчинскому.

– Совет казны собрался?

– Уже ждут, владыка.

– Ну, пошли.

Глава 2. Я мог бы быть богатым

– Мы передали Широкому Дубу восемнадцать чаш из стек-тлы, – настаивал Луч Света, хмуря лицо. – Это наша последняя плавка. Отдали всё целиком, как велели. Для закупки металла.

– Я получил три пятерки чаш! – гневно хлопал ладонью по бедру смотритель рынка. – Три пятерки, и то две были с дефектом! Поэтому золота только на четыре кулака.

– Я вру, значит? – заиграл желваками мой главный «инженер». – Чаши сдавали в присутствии Ннаки. Пусть подтвердит!

Мясо медленно поднял глаза. Заматерел мой казначей. Нарастил солидности и на боках, и на пузе, и под подбородком. Был таким живым, подвижным, как ртуть, а теперь лишнее движение сделать лень. Но хватку не растерял. Даже приобрел. Хватка у горца стала поистине крокодилья.

– Чаш было пятнадцать, – весомо произнес Ннака. – Почтенный Циль Наукаль, наверное, что-то перепутал.

Воруют, суки! Быстро мои четлане этому научились. Богатство развращает независимо от культурных особенностей и уровня развития. Я точно знал, что мой ухватистый оцколи начал приворовывать еще в Крыле. Он уникальный в этом плане человек – везде видит выгоду. Потому-то я многое ему спускал – он ведь и для меня выгоду находил. Но в последнее время малоизвестную здесь иудейскую заповедь «не укради» стали нарушать всё шире. Объемы производства и торговли растут, людей вовлекается всё больше и больше, логистические цепочки удлиняются – и проследить за всем нет никакой возможности. А системы контроля нет. Невозможно ее организовать при почти бесписьменном обществе.

Конечно, Ночка изо всех сил работает над своей идеей буквенной письменности. Но одной идеи оказалось мало. У Ийохали в ее алфавите накопилось уже почти шестьдесят букв. Я понимал, что некоторые лишние и дублируют друг друга – но с советами не лез. Пусть азбуку создает носитель языка. И девушка создавала. Она сильно увлеклась идеей, а я подпитывал эту «топку», как мог. Но надо признать: буквенная письменность плохо приживалась у четлан. Я даже принуждал некоторых проходить у Ночки обучение, но головы индейцев концепцию усваивали плохо (мои секретари, например, не смогли). Пандемия дислексии какая-то! Так что этот вариант письменности прогрессировал медленно. А ведь казалось: создам школы, построю новое общество...

Ннака же своей пиктографией особо ни с кем не делился. Он в своих пометках прекрасно ориентировался, четко знал, что у него есть, сколько и почему. И понимал, что это знание дает ему власть. Ведь он и только он мог манипулировать информацией... и никакого внешнего аудита!

...Сжимая и разжимая правый недоразвитый кулачок, я вглядывался в своих экономических советников. Кто же? Кто врет? Луч Света демонстративно смотрел в окно, где вдалеке стояло его заметно разросшееся «конструкторское бюро». Моему технологическому гению, по большому счету, было наплевать на все эти дразги. Его манили открытия. Наверняка в КБ сейчас в разгаре какой-то очередной проект, и Циль только ждал момента, когда сможет уйти со скучного совещания и заняться настоящим делом. Любимым детищем «инженера» были, как ни странно, не стекло, не тумбага, а банальная зольная вода. Луч Света нашел этому раствору кучу применений: в плавке, в стирке, в отбеливании...

«Нет, это, конечно, не он, – мысленно качнул я головой. – Значит, случилось страшное: Широкий Дуб спелся с Ннакой».

Когда-то, еще только создавая рынок в Излучном, я поставил во главе человека максимально далекого от моего ушедшего горца. Дуб был из рода Капибар, у него имелись свои интересы, и я надеялся, что казна с рынком будут соперничать. Но неотвратимое случилось.

В принципе, мне плевать на эти три чашки. Важно, что двое человек, в руках которых вертится почти весь мой оборот, вступили в соглашение. Я вспомнил, как недавно Ннака подошел ко мне и сообщил, что в две зерновые ямы попала вода, и маис пропал. Нужно закупить семена к севу. Я тогда не обратил внимания, а мне рассказали, что на День Змея куча народу ходила по рынку, площади и предлагала всем маисовое пиво. Не из моего ли «пропавшего» зерна его сварили? И кому достались прибыли? Я не знаю, что случилось на самом деле: возможно, Ннака оперативно распорядился промокшим зерном. Или никакой воды вообще не было. Но пара десятков мешков зерна – это уже не три чаши.

Это надо как-то пресечь.

– Последний расплав у нас странный получился, – Луч Света словно услышал мои мысли и повернулся к столу. – Мы сейчас добавляем в расплав порошок малахита – ну вы уже видели красноватую стек-тлу?

Все кивнули. Я тоже. Красить стекло получалось пока плохо, но народ ничего подобного не видел и хватался за бурюю посуду, как за произведения искусства.

– Паитцин смешал два тигля, но не учел, что расплавы в них были разной жаркости, – продолжил «инженер». – В итоге они плохо смешались, и весь расплав вышел необычным.

Луч Света достал из поясной сумки вытянутый слиток стекла: чересполосный, то матово-белый, то кроваво-бурый. Где-то в мутной белизне размазывались багровые капли – интересный вышел рисунок...

А главное – запоминающийся.

Циль положил полоску на стол, чтобы все могли ее рассмотреть, а я – взять в руки.

– Боби, вызови старшего из стражи дворца, – махнул я секретарю и обратился к подозреваемым в мошенничестве. – Сейчас мы продолжим совет, а золотые пойдут в ваши дома. Устроят обыск на предмет поиска посуды вот с таким узором. И молитесь Змею, чтобы они у вас ничего не нашли!

Луч Света откинулся на спинку стула (он был одним из немногих четлан, кто сразу полюбил этот предмет мебели), еле сдерживая улыбку. Ннака сохранял каменное спокойствие, видимо, абсолютно убежденный в надежности своих тайников. А вот Широкий Дуб поплыл.

– Владыка... – робко начал он, но я не желал слушать его оправдания.

– Сам принесешь?

Тот молча кивнул.

– Крысы амбарные! – я грохнул левой рукой по столу. – Вы – моя опора! Я полагаюсь на вас! А вы крысить?!

Я вскочил, развивая этюд «гневный босс». Даже Мясо слегка отодвинулся.

– Вы думаете, я ничего не вижу? Или думаете, вы такие бесценные, и вам всё позволено? Не надейтесь! Жалеешь вас за прежние заслуги, а вы на шею садитесь! Но вот этого, – я ткнул пальцем в пеструю стекляшку. – Я не потерплю! Вы мое воинство обворовали! А за это чересчур большого наказания быть не может! За это и без погребения можно остаться! Хладным трупом по реке уплыть! Ясно? – рыкнул я персонально на Ннаку, ибо тот казался мне недостаточно напряженным.

– Так я-то что, володыко? – невинно округлил свои глаза Мясо.

– Цыц! – хлопнул я снова ладонью, так, что посуда дзинькнула. – Ты Дуба только что передо мной выгораживал! Думаешь, не знаю я, что вы оба в доле?!

Я не знал. Но предположить, что оцколи будет какого-то защищать бесплатно – это уж увольте! Так что рыльце... рыло у моего казначея в пуху, к гадалке не ходи! Непонятно только, кто из двоих в этом деле инициатор.

– Значит, так. Воровать запрещаю. Именем Змея. И по воле его буду карать виновных. Теперь за каждым будет догляд. Советую, если что уворованное есть – верните. Казна примет. А Ннака ничего не утаит, – с нажимом завершил я.

Сел. Продышался (а то сам закипать начал, поддавшись театральным эмоциям). Но всё равно остался осадочек. А ведь совещание так хорошо начиналось!

Подводили «коммерческие» итоги Дня Змея. Пожалуй, он превзошел все предыдущие праздники. На рынке работало рекордное количество прилавков, а среди них – рекордное количество приезжих торговцев. Широкий Дуб перечислил длинный список всего, что удалось продать и удалось купить... На слух совершенно невозможно понять: много ли это и насколько много? Но наблюдатель рынка в обороте разбирался хорошо, можно верить.

Моё Излучное всё активнее становилось торговым центром на Нижней Мезкале. Я уже не рассматриваю в качестве конкуренции Черное Урочище (там мы решили развивать узко-профильный зерновой рынок), нам вполне можно «мериться письками» с Закатулой или Чурумуко. У них «приборы» пока еще подлиннее, но равняться надо на лидеров.

А ведь в позапрошлом году, после войны наше селение находилось на грани голодной смерти. Как только народ в столицу вернулся, и производство возобновилось, мы всё меняли на еду. Так и дотянули до первого урожая. Он, наконец, показал, что удобрения дают свои плоды. Крыло, в котором эксперименты с навозом, золой и компостом проводились второй год, собрало рекордный урожай. Там уже научились не перебарщивать с удобрениями, отработали кое-какие методики. Пришла пора распространять полученный опыт на всю мою «империю». Ну, или, хотя бы, на Излучное и Черное Урочище. Крыльчане убедились, что самым эффективным был навоз. Только вот беда: это навоза было – кот накакал. Некому гадить: нескольким сотням домашней птицы да двум-трем тапирам. Так что, пока упор приходится делать на компост и золу. К тому же, компост надежнее, им не сожжешь семена, как какашками.

Думаю, еще два-три года, новые технологии приживутся – и земледелие в Четландии совершит резкий скачок. Можно будет активнее вводить в оборот поля под паром. К тому же, набор инструментов тоже потихоньку обновляется. Жаль, нельзя сделать так: нажал кнопку «технология изучена», и все ею пользуются. Нет, сначала надо придумывать, как из говна и палок сделать хорошую лопату. Потом объяснить это мастерам и еще убедить, что это нужно. Потом найти где-то ресурсы (людские, сырьевые), чтобы лопат хватило всем (а это не десяток и даже не сотня лопат!). А потом еще и убедить этих всех, что новые лопаты лучше привычных палок-копалок! И вот последнее, пожалуй, труднее всего. Можно убедить одного. Десяток... Собрать, наконец, в кучу жителей Излучного и с платформы храма объявить «божественную волю»... Криво-косо, но может сработать. А как донести эту мысль до тысяч четлан, живущих в десятках селений? Прогресс в имеющихся условиях – дело очень медленное. Инерция страшная. Иногда просто руки опускаются.

И всё же, в земледелии наметились значительные подвижки. Чего не скажешь о животноводстве. Тапиры оказались малоперспективным направлением. Сидели в своих загонах, категорически не одомашнивались, умирали один за другим. Разве что навоз исправно поставляли. В Крыле в итоге остались всего один самец и две самки. Я уже отчаялся, но вдруг обе самки почти одновременно разродились. Едва детеныши окрепли и перешли на подножный корм, я велел везти их в Излучное. Второе поколение к людям относилось гораздо спокойнее. Недавно мы даже смогли успешно запрячь подростков в мою венценосную арбу – и успешно. Жаль, кататься на ней почти негде: Четландия – страна без дорог.

Зато минипоросятки пекари не подвели. Ребята стадные, стресс нахождения подле человека переносят легче, в «обслуживании» удобнее, едят всё подряд, размножаются бесперебойно. К сегодняшнему дню я свое стадо довел до сотни и, наверное, начну уже молодняк раздавать желающим. Глядишь, через пару-тройку лет свинина на излучинских столах станет нормой. А потом и дальше распространится.

В прошлом году, покончив с голодом, мы впервые начали продавать излишки сельхозпродукции. Конечно, я понимал, что на этом успеха не добьешься: маис и агава есть у всех. Моих куцых экономических познаний хватало на то, чтобы понимать: продавать надо не сырье, а технологичные товары. Локомотивом экспорта, конечно, у меня было стекло. Две большие печи плавил его практически непрерывно. За два года Луч Света подготовил с десятков спеццов, технология была отточена, линейка товаров постоянно росла. Использование порошка из зольной воды облегчило выплавку, сейчас стеклодувы работали над увеличением прозрачности и пытались делать разноцветную массу. Но пока выходило так себе.

Разумеется, на одном стекле империю не построишь. Но в Излучном уже широко использовался гончарный круг. Новая посуда не стоила особо дороже той, что лепилась вручную (я видел такие шедевры ручной лепки, что поверить невозможно!), зато себестоимость ее была заметно ниже: делалась быстрее, материала уходило меньше. Наши мастера своими плошками могли завалить всю Нижнюю Мезкалу, тем более, что глина в окрестностях Излучного была хорошая. Но такого большого спроса просто не было. Так что надо искать новые рынки сбыта. Глазурованную керамику покупали намного охотнее, но она и сама по себе выходила недешевой.

Для развития экспорта я постоянно пытался воплотить идеи из своего мира, но приждалось не всё. Одежду с карманами в Излучном оценили. И гостям она нравилась. Но проблема в том, что в моей Четландии ткачество находилось на низком уровне развития. Приходилось закупать хлопок и уже из него шить новую одежду. Усилий много, а прибыль копеечная. Отличной идеей стали восковые свечи! Делать просто, народ сразу оценил достоинства. Но пчелиный воск – совсем немассовый материал, большой бизнес не построишь. Да и соседи довольно быстро поняли принцип изготовления. Сейчас свечи делают даже пурепеча. А вот мебель вообще не заходила. Несколько излучнинских плотников жили только за счет «госзаказов».

Таким вот методом тыка торговля и развивалась. Я поощрял частные инициативы, за подаренные идеи казне тоже перепадало. На полном государственном коште находились только самые стратегические отрасли: стекло, зарождающаяся металлургия, оружейка. Но параллельно росло еще одно денежное дерево, которое приносило богатство буквально из воздуха.

Сфера услуг. И это ноухау в местном мире практически неизвестно. Моя маленькая гордость.

На рынке я по-прежнему не собирал торговые пошлины, дабы не отпугнуть купечество. Но за прилавки торговцы платили исправно. А, когда конфликты на почве «обсчета» достигли критической массы, меня посетила отличная идея унифицировать систему мер и весов: горсть – примерно 200 граммов; кулак – килограмм; голова – пять кило и так далее. Камнерезы уселись за непривычную работу: нужно было делать совершенно одинаковые гирьки. А Ннака продумал гениальную схему, которая не только распространила мою весовую систему далеко за пределы Излучного, но и позволила нам подзаработать. Любой человек на рынке мог потребовать перевесить купленный товар, и если обвес превышал одну двадцатую часть, то продавцу вешали штраф. И тут же Ннака предлагал всем желающим купить эталонный набор гирек (после еще мерило длины добавилось). Достаточно быстро обвесы сократились, торговля пошла бойчее, а казна постоянно пополнялась. Меня утешало еще и то, что, в принципе, мы делаем прогрессивное дело. Полезное не только лично владыке четланскому, но и населению всего региона.

Неплохую прибыль приносили атоматли – так местные перекрестили мое слово «автоматы». Автоматические алтари с разными механическими приспособами оказались очень популярны. Делал их Луч Света с парой самых близких помощников. Идею обычно дарил я: владыка, имеющий одни идеи, но не знающий, как их реализовать. Мастера ломали головы, но примерно в половине случаев находили решения. Шесть алтарей разным духам стояли перед

рынком. «Молитвы» стоили сущие «копейки», так что очереди не иссякали: всем хотелось богоугодно развлечься. Пятую часть доходов забирал себе храм Змея, как бы намекая, что он тут монополист на духовный бизнес. Но я не возражал, ибо прибыль реально делалась из воздуха.

А вот таверна уже обходилась в копейку. Самый рискованный бизнес в сфере услуг: люди работают, продукты переводятся – а съедят ли их люди, еще вопрос. Поначалу таверна работала в минус. Но постепенно гости столицы оценили сервис, руководство таверны оптимизировало работу – и первая точка общепита на континенте (по крайней мере, я так нескромно думал) стала доходной. С появлением меди я даже добился реализации главной задачи попаданца – построил самогонный аппарат. Ребята Циль Наукаля кое-как «слепили» змеевик, и можно было заняться перегонкой браги (которую индейцы из чего только не делали!). Но тут меня ждал облом: четлане оказались совсем несклонными к пьянству. Я изучил вопрос и выяснил, что неумеренное возлияние жестко порицается здесь у целого ряда народов. В державе пурепеча алкаш мог лишиться всех привилегий. А где-то за пьянство даже казнили! Так что в итоге самогонный аппарат куда-то засунули и забыли (я решил не искушать судьбу и не делать настоек для себя любимого).

С гостевым домом было проще, но его услугами торговцы пользовались не так охотно, а местным он был без надобности. Только в праздники, подобные Дню Змея, гостиница давала заметный прирост.

Совсем недавно удалось запустить еще два проекта: Дом Удачи и темескаль. Идею бани я подсмотрел у купца Накацтли в Уэтамо, только сделал ее намного больше, с сильными печами и небольшим бассейном. Это место жители столицы полюбили сразу. Темескаль был недорогим и широкодоступным местом, так что быстро отбил затраты и начал приносить казне прибыль. А вот с казино всё было не так просто. Идею я вынашивал давно и долго, но здесь максимально остро встал кадровый вопрос: мне нужен был человек, который поймет идею оболванивания азартных людей во всей полноте, наладит процесс... и не начнет обворовывать меня. По счастью, тогда я активно начал анкетировать народ и нашел подходящего пройдоху... среди золотых! Парень долго не хотел оставлять почетную наемническую стезю, но посеянные идеи проросли в его голове буйной порослью – и через неделю после отказа воин сам пришел ко мне и попросился на должность. Дом Удачи – единственное заведение, которое я отдал под прямой контроль Ннаки. Только мой ушлый горец мог держать в узде не менее ушлого «директора казино». Пока народ к заведению относился настороженно. Но те, кто туда заходил, обычно возвращались вновь. Думаю, скоро это место станет приносить мне серьезные дивиденды.

Нда... Я был богат. Вернее, я мог бы быть богатым.

Если бы не одна статья расходов, которая сжирала все мои ресурсы.

Первооружение армии.

Глава 3. Милитарист

Армия. Сейчас у меня воинов было ненамного меньше, чем у злобных пурепечей, что пришли в мой дом с войной два года назад. Одно лишь присутствие в Излучном такой прорвы народа, которая ничего не производит – уже удар по экономике. Хотя, конечно, черные с белыми частично производили, а содержание половины золотых я скинул на Крыло и Черное Урочище. И всё равно это была прорва ртов, которая ежедневно ела, пила, одевалась, нуждалась в жилье и предметах быта. А мы живем в безденежной экономике: производимые товары и есть само богатство.

Но главное не в этом. Я убежден, что сегодня мои воины раскатали бы орду рыбоедов в чистом поле в одни ворота. Они почти не уступали пурепеча по численности, в среднем превосходили в выучке (кроме тамошних «рыцарей»-кенгариеча). И они были лучше вооружены. Гораздо лучше! Вот на это-то оружие и уходили все прибыли моей империи.

Глобальное перевооружение началось сразу после того, как в Уэтамо я обнаружил источники медной руды, а потом мне попался кусок тумбаги – весьма прочного сплава меди и золота. И эта работа до сих пор еще окончательно не завершилась.

Первой задачей стало обеспечение сырьем. Главным поставщиком медной руды выступил куитлатекский купец Накацтли из Уэтамо. Тем более, что в округе этого города имелись обширные залежи малахита. Также через подставных купцов мы закупали руду в Чурумукко и гораздо севернее – в Ингуаране и Уакане. В Жарких Землях было много меди, но беда в том, что индейцы ее добывали мало. Не очень ценили. Местные жители ходили в рудники в свободное от сельхозработ время. И, прямо скажем, сильно не напрягались. В сезон дождей котлованы затапливало – и добыча могла остановиться на пару месяцев. Мне даже пришлось посылать к Накацтли свои бригады. Купец тайно отводил четлан к дальним котлованам – и мы нагло воровали местную руду!

Недавно, после того, как белые принялись изучать горы дикарей-оцколи, нашлось еще одно месторождение к северу от Серой Воды. Но в этих опасных землях вообще трудно наладить добычу. Выкупали, что могли.

В итоге, я смог довести закупку руды до 150-200 килограммов в месяц. Не только малахит. Были еще буроватые камни с золотистым отливом и почти черные с изумрудными прожилками. Последние, кстати, давали самый высокий выход меди. Понятно, что мой спрос привел к росту цен. Накацтли – хороший мужик – но свою выгоду упускать не собирался. Так что, чем дальше, тем дороже обходилась мне моя милитаризация. А своей меди в пределах «империи» найти не удалось.

С выплавкой дела обстояли более-менее сносно. С процессом некоторые четлане были знакомы, а стеклоплавильные печи выдавали такую температуру, что руда плавилась на ура. Правда, резко вырос спрос на древесный уголь. По счастью, работа не сложная, и я начал использовать на ней проданных. Рабский труд в небольших количествах очень даже выгоден.

Циль Наукаль построил пару новых печей с мехами – уже исключительно для металлургических целей. Были набраны новые работяги (которых опять же нужно было содержать за счет казны), которые, после первого десятка запоротых плавок, начали стабильно получать относительно чистую медь. До половины от веса руды, редко – чуть больше половины (когда плавили черный камень).

А вот со вторым компонентом – золотом – было уже сложнее. Оно, в принципе, добывалось даже в пределах империи: на горных притоках Серой Воды находили золотой песок. Я, конечно, сразу велел собирать его и сдавать владыке. Что-то вроде налога, но самым активным добытчикам я слал подарки – дабы стимул был. Но всё равно, общими усилиями всего региона в месяц удавалось добыть кулак золота... Килограмм, в смысле. Так что приходилось закупать.

Золото шло, в основном, с юга, но было его мало, и поставки крайне нестабильные. Иной раз удавалось 20 кило за месяц получить, а на следующий – и десяти не набиралось. В любом случае, золота не хватало на то количество меди, что у меня уже имелось.

Мой «главный инженер» нашел нужный рецепт сплава меньше чем за месяц. Пропорции золота и меди составляли где-то один к трем. Но было еще много разных нюансов по температуре, что во что вливать и так далее. Я парню ничем помочь не мог. Мои знания не только не помогали, но даже мешали. Вот, например, я помнил, что металл можно закалять: сунул раскаленную саблю в воду или масло (или кровь девственницы) – и оно станет прочнее. А оказывается, что с медью всё ровно наоборот! Если ее резко охладить – то металл станет мягче. А вот, если долго отпускать – наоборот, прочнее.

Короче, я заткнулся и просто морально поддерживал своего гения. До первого Дня Змея наши металлурги научились стабильно выплавлять от 30 до 50 килограммов тумбаги в месяц (в зависимости от количества золота).

И вот тут начался затык. Я знал, что нам надо делать, мог описать изделие, нарисовать, даже с горем пополам вылепить. Но у моих мастеров не получалось это изготовить. Попытка ковать отлитые болванки «на холодную» и «на горячую» привели к полному фиаско. Тумбага, в отличие от меди, коваться не хотела напрочь. Ситуацию спас внезапный гость. Вернее, он был не совсем внезапный: в Уэтамо объявился чужеземный медник, который пытался осесть в этом городе и «делать бизнес». Разумеется, местные его быстро вытурили. Накацгли подумал обо мне и предложил старику доставить того в такое место, где мастера станут носить на руках.

И не соврал.

Старый медник был откуда-то из далеких восточных земель. Толком не говорил ни на одном из окрестных языков. Свой народ он называл беэнасса, и означало это что-то вроде «жители облаков». Он действительно вырос среди облаков, потому что, глядя на наши горы, только пренебрежительно фыркал. Но дело свое знал отлично. Старик никогда не работал с тумбагой, но ему было всё равно, из чего отливать. Тем более, что сплав Луча требовал меньше жара, чем медь. Иноземный мастер делал восковые модели того, что я хотел изготавливать, и заливал их жидкой глиной. Потом глиной погуще, еще погуще и совсем твердой. Формы имели входное отверстие и несколько выходных. Расплавленная тумбага вытесняла воск, и вуаля – у меня уже наконечник копья. Конечно, только заготовка. Ее еще до ума доводить надо. Убирать лишнее, затачивать.

Беда была в том, что таким способом литейные формы было делать долго, расход воска оказался большим (а я уже говорил, что того и так не хватало). Я наудачу вбросил в воздух идею о многоразовых формах из камня.

– Можно делать из двух половинок: сложили – залили, разложили – вынули.

Разумеется, эта идея облачному старику не понравилась.

– Но ведь тогда все изделия будут совершенно одинаковыми, – разочарованно протянул он.

Я закатил глаза: смотрите, какая творческая натура выискалась! Да мне и нужны одинаковые! Много, быстро, качественно! Я начал давить на деда, и тот сдался. Подтянули парочку камнерезов для мозгового штурма. Решили, что на формы пойдут даже мягкие породы камня. Так что особых проблем с изготовлением не было... Нет, ну как не было. Мучились парни долго: нужно было идеально выровнять внутренние плоскости каждой половинки и сами формы вырезать так, чтобы они полностью совпадали. Даже опытные камнерезы запероли с десяток форм.

В итоге мы подготовили три типа форм: четыре – для наконечников копий, с десяток – для дротиков и три – для топоров. К сожалению, втульчатых наконечников у нас пока не будет, такие формы мои мастера еще не могли изготовить. Пришлось делать черешковые, минус которых очевиден: от каждого удара такой наконечник понемногу раскалывает древко. Но в любом

случае, это был огромный шаг вперед! Мы могли поставить производство тумбажного оружия на поток.

Это было очень непросто. Я бы сказал: геморройно это было. Сделать металлический наконечник намного (намного!) сложнее, чем каменный. Требовалось большое количество людей (причем, квалифицированных), большое количество операций. Добыть/привезти медную руду. Подготовить ее, то есть, старательно измельчить. Изготовить древесный уголь. Выплавить медь в специальных печах. Затем выполнить хитрый сплав с золотом, который создает ту самую особо прочную тумбагу (а это умели делать только Луч Света и несколько его помощников). Разлить расплав по формам (тоже немалое искусство, если вам нужна отливка без слоев, без каверн и прочая). Потом удалить всё лишнее, сделать доводку, заточить.

Только по одним трудозатратам наконечник из тумбаги обходился раз в пять дороже каменного, а делался раз в десять дольше. При этом, в чем-то (например, в остроте) он проигрывал камню (и именно поэтому я решил ножи пока не делать). Но зато новый наконечник был практически «вечным». Каменное копьё (особенно, обсидиановое) могло расколоться от любого неудачного удара. Оно быстро выщерблялось. А металл мог гнуться, сминаться, но ломался крайне редко. Воину достаточно взять свое поврежденное оружие, поправить, подточить – и снова в бой! Поскольку металл не ломался, то и тыкать копьем во врага можно изо всех сил – а значит, пробивная сила оружия вырастала. Похожая картина была и с дротиками.

Между прочим, топоры мы начали делать сразу с проушиной. Я вылепил образец из глины, камнерезы призадумались и родили форму из трех частей. Так что новые топоры, в отличие от каменных, не втыкались в топорщице, а насаживались на оное. Понятно, что таким оружием можно лупить изо всех сил, рукоять не расколется.

Началось литьё с этих трех видов оружия, но аппетит приходит во время еды. С Глыбой и Черным Хвостом мы частенько устраивали мозговые штурмы на темы вооружения и доспехов. В итоге родилась мысль отливать небольшие пластины и вшивать их внутрь матерчатых панцирей. Хотя бы, в самых важных местах. Таковыми мои командиры посчитали плечи, по которым часто прилетает сверху, и середину грудины. Защиту рук и ног предложил уже я: начали делать кожаные наручи и поножи. Кстати, та еще проблема была – найти кожу. На доспех тонкая шкурка не пойдет, а толстая в этой несчастной Америке не «произрастала». Если у пекари брать, то разве что самую спину – там потолще. Подходили шкуры тапира, оленя... да, пожалуй, и всё! Даже у здоровяка ягуара шкура тонкая оказалась! Поэтому в течение последнего года я устроил тотальную скупку толстых кож, чтобы сделать своим воинам шлемы и защиту конечностей. А ведь всего-то нужна банальная корова! Seriously, я корове обрадовался бы гораздо сильнее, нежели благородной лошади. Это и мясо, и молоко, и шкура, и рога. И движущая сила для моего потенциального колесного транспорта! И для плуга... тоже потенциального.

Мечты. Пустые мечты. Пока работаем с тем, что имеем.

Так вот, я предложил отливать длинные полоски тумбаги и нашивать их вдоль наручей и поножей. Они смогут неплохо держать поперечный удар. Похожие полоски также нашивались на кожаные шапки, которые я гордо именовал шлемами. Последние полгода наш «литейный цех» увлекся новыми экспериментами. Попытки сделать «меч», хотя бы, короткий, в локоть длиной – увенчались полной фиаскою. Ковыряльники получились неудобные, тяжелые, легко гнулись и даже ломались. А вот новое двуручное оружие удалось. За основу взяли мою боевую кирку, увеличили ее, утяжелили и насадили на двухметровый дрын. Получилось оружие одного удара: если попадет, то это фаталити. Сначала его взяли на вооружение командиры пятерок в Черном воинстве. Но потом решили просто давать самому рослому бойцу. Тот вставал за щитоносцами своей пятерки и лупил мегакиркой по головам врагов «великой четланской империи».

В общем, постепенно мои воины выглядели всё круче и круче. В грядущих боях их повредить становилось всё труднее, они же повреждали противника всё эффективнее. Но проблема в том, что в итоге, на каждого золотого у меня уходило примерно два с половиной кило тумбаги, а на черного – все четыре! Если с мегакиркой – то и пять! А теперь перемножьте это на 440 воинов. При этом, расход всё равно был: что-то ломалось, что-то терялось. Конечно, за новое оружие я воинов заставлял платить. Да только это оружие всё равно надо сделать! И немалое количество людей ежедневно продолжало трудиться на добыче, доставке, переработке сырья, плавке, отливке, доводке изделий. Всех их нужно было содержать. Тратить накопления на закупку малахита, золота, кожи.

Постоянно.

Я закрыл глаза. Если бы я продавал тумбажные изделия в том объеме, которого мы достигли – я б озолотился! Этот товар еще круче стекла. Но за полтора последних года я не заработал на нем ни щепотки соли. Наоборот – это была огромная бюджетная яма, куда уходили все доходы. Вся тумбага шла на армию. Хотя, вру. Сколь мало мы ни выплавляли этого бесценного сплава, всё равно часть пришлось выделить на гражданские нужды. Мой старый мастер отлил не меньше двадцати «мирных» широколезвийных топоров. Потому что между каменными и металлическими топорами просто пропасть пролегла! Тумбажный топор с проушиной и свежей заточкой рубил раз в двадцать раз быстрее каменного, а срок его жизни был опять же почти «вечным». Разумеется, пришлось разработать и сделать минимальный набор «кузнечных» инструментов: клещи разного размера и пробойники. Каменотесам тоже помогли: сделали зубила, клинья, которые после отливки еще и проковали на горячую для придания большей плотности. А это еще килограммы и килограммы бесценной тумбаги, которой не хватало ни на что. И, думаю, излишне напоминать, что с этих инструментов я тоже не поимел никакой прибыли. Разве что косвенно: все-таки производительность труда людей с новыми инструментами заметно выросла. Но что могут дать несколько десятков инструментов, когда даже для моего маленького народа потребны тысячи!

Я напому, что накопление золота заметно отставало от меди. И последняя всегда оставалась в избытке. Часть медных слитков я копил про запас, на «черный день», но некоторое количество всё же пытался пускать в ход. Мастера Луча Света и Облачного Деда делали из них вещи, которые подсказывал я: мотыги с проушиной, широкие тяжелые лопаты, простенькие серпы, а также ножи и топоры. Всё это, как вы понимаете, внедрять приходилось с криками и угрозами – как Петру Первому новогоднюю елку. Четлане упорно не видели своего счастья и держались за старые палки, словно за близких родственников. Но ко второму году ситуация сдвигалась с мертвой точки. Хотя, положила руку на сердце, от медных ножей и топоров толку действительно было немного. Каменные получше.

Медь, кстати, неплохо ковалась, так что в Излучном начали появляться не только литейщики, но и первые кузнецы. Все они «тусили» в КБ, где уже собралось более полусотни мастеров самого разного профиля. Я очень надеялся на то, что рано или поздно мой милитаристский монстр (мною же и взрощенный) наестся тумбагой и прочими удовольствиями. И уже после этого весь сформированный производственный комплекс перейдет на «орала». Вот тут-то Четландия и озолотится!

Но это случится не сегодня. И не завтра. Пока же я сидел на хозсовете и пытался залатать дыры в трещащей по швам экономике. Там нужны люди, тут нужны люди. Там поломались все тачки, тут закончился древесный уголь. Вся глина пошла в кирпичную печь, гончары остались без сырья – список проблем бесконечен.

И всем надо платить!

Опять же: как платить? У меня нет кошелька, нет денег. Всем нужны какие-то товары, какие-то вещи. И у всего этого цена колеблется не только в зависимости от времени, но и в зависимости от человека. Одного можно неделю нанимать копать глину за мешок маиса, другой

за этот мешок с циновки не поднимется. Вечно возникали споры: чем платить за работу? Да, все хотели стекло, но его запас не резиновый и в основном уходил на закупку стратегических ресурсов: меди, золота, соли, кожи... Людям же почти невозможно угодить! Получается: чтобы оплатить все нужные работы, в моей казне должен иметься запас «ваще всего». А это в принципе невозможно при таких активных тратах. Да и нерационально держать огромные богатства: бабки должны крутиться! А в итоге чуть ли не ежедневно приходится решать ребус: кому чем заплатить? Искать баланс между потребностями людей и возможностями казны. Конечно, голову ломает, главным образом Ннака. По счастью, он прекрасно ориентируется в «императорских запасах». Печально, что только он и ориентируется, отчего эти запасы время от времени прилипают к его рукам.

Куча! Куча неудобств с этим натуральным обменом! Который постоянно стопорит дело. Обидно то, что я – человек из «прекрасного будущего» – отлично знаю, что нужно для решения проблемы... Но я не знаю КАК это повернуть!

Нет, я определенно сегодня пойду на пирамиду!

Глава 4. Деньги нужны!

Конечно, три ступени храма Змея – это нескромная претензия на то, чтобы называться пирамидой. Но мне так хотелось – могу себе позволить. Народ к моим «походам на пирамиду» уже привык и под руку не лез. Даже Красный Хохолок, оказавшись он в такой момент при храме – тут же находил срочные дела, которые и шел исполнять. Бежал!

Потому что на «пирамиду» я ходил выораться! Когда в очередной раз всё шло не так, все планы ползли по швам, дела не делались, люди не понимали упорно моих гениальных идей – я мысленно хлопал дверью, посылал всех подальше и, привалившись к левой лапе идола, орал, матерился, жаловался, обещал уйти в монастырь (как только таковой появится).

Общался с богом – как тактично называли это в Излучном.

Я едва дождался конца совета, но сразу исполнить мечту не удалось: Добчинский уже разыскал паренька с выдающимися анкетными данными и привел во дворец. Дитя Голода оправдал возложенные на него подозрения с лихвой! Редкий умница, проницательный, живой и экспрессивный – вся душа нараспашку. По всей видимости, крайне лояльный к верховной четланской власти в моем лице (тут до преданности один шаг – и мы его обязательно сделаем). Был еще один талант, который не показывали анкеты – Дитя Голода был очень располагающим к себе. Открытый, позитивный, внешне приятный – с ним было легко и интересно. Парень заражал своими эмоциями, и я быстро понял, что это тоже оружие. А вот сам Конечинмайла, похоже, этого еще не понимает.

– Пойдешь ко мне на службу, – резюмировал я.

– Владыка! – Дитя Голода просиял, а потом рухнул мне в ноги. – Ты не пожалеешь! Я ту схватку почти выиграл! Я стану отличным черным воином!

– Стоп-стоп-стоп! – я не собирался сорить такими драгоценностями и отправлять парня на убой. – Ты мне нужен не в войске.

Паренек сразу сник. Что поделать: возраст героев. «Война – дело молодых».

– И что я должен буду делать?

– А вот это вопрос.

Я погонял парня по разным темам (заготовочки у меня уже имелись), но так и не смог определить, где же лучше всего применить таланты.

– Мы сделаем так: ты будешь изучать различное мастерство у разных людей. Составим план, и ты будешь ходить к Аскуатле, где тебя обучат стрельбе из лука; к Циль Наукалю – где плавят тумбагу; к Лостицаку – где воспитывают тапиров и пекари; к Хапочи – где делают корापиль; к Нельтицу – где делают колеса, стулья и прочее; к Облачному Деду – где делают топоры и копья... А еще будешь ходить к Ийохали дочке Итттануаки – она станет учить тебя искусству рисовать слова.

Дитя Голода округлял глаза с каждым новым именем.

– Будешь прилежно всему учиться. Но не просто так. Запоминай, думай. А чрез неделю расскажешь мне, чему научился, что понравилось, а что нет. Что ты сделал бы иначе, – мне нужен свежий взгляд со стороны на мои затеи; кого еще использовать, как не этого самородка.

Вообще, беседа с Конечинмайлой так подняла мне настроение, что я даже подумал отменить «визит к психотерапевту», но уже через пять минут меня быстро вернули в прежнее состояние.

– Владыка! Массовая драка на рынке!

– А что же золотые?

– Так их мало было совсем... Пока помощь подошла...

Выяснилось: драку строили приезжие толимеки. Причем, напали на таких же толимеков, но из другого княжества. Зачинщиков из Куалаканы возглавлял аж «сам» брат тамош-

него князя. Свидетели показали, что он первым принялся дерзить и выгонять соплеменников с рынка. А тех возглавлял вообще князь. Который, разумеется, никуда не пошел. Слово за слово... Куалаканцы накинулись на других толимеков, и, пока золотые разняли драчунов, нескольких уже успели порезать. Индейцы, как горцы – за ножи хватаются быстро.

Событие неординарное: обычно, я судебные тяжбы спихиваю на вождей, но тут придется самому. Как-никак, венценосные особы по бытовухе проходят. Ко мне притащили обе группы толимеков (кроме тех, кому потребовалась лекарская помощь).

– Ну и какого рожна? – грозно спросил, восседая на судейском троне.

– Побережники вконец охамели! – выскочил вперед толибек с распухающей левой стороной лица. Видимо, тот самый брат князя, Куарумхоц. – Приперлись в Излучное торговать! Сами!

– У меня все имеют право торговать, – недоуменно ответил я. – Может быть, они нарушили какие-то ваши законы?

Куарумхоц побагровел.

– На Мезкале торгуют только Куалакана и Хетци-Цингла! – буркнул он.

Хозяин рынка Широкий Дуб, разбирающийся в ситуации, тихонько, на ушко ввел меня в курс дела. Оказывается, два княжества толимеков, расположенные по обоим берегам Мезкалы, захватили всю торговлю по этой реке. И остальных соплеменников принуждают все товары продавать им, а потом сами везут их по реке на север.

– А этот кто такой? – шепнул я, бесцеремонно тыча пальцем в индейца, потирающего ушибленный кулак.

– Это Атотол, князь откуда-то с побережья. Первый раз у нас, сам привел лодки. Товары, конечно, не очень интересные, но он – торговец с пониманием. А эти на него напали.

Что ж, симпатии Дуба очевидны. Да и мои – тоже. Во-первых, Куалаканцы распустили руки. В моем доме! А во-вторых, эти гады там у себя обнаглели сверх меры: соплеменников ко мне не пускают, торговле моей мешают! И по расчету, и по совести этого Куарумхоца надо наказывать.

– Нет законов, которые запрещают торговать Атотолу. Ни у вас, ни, тем более, у четлан. Потому вина за драку на тебе и твои людях, Куарумхоц. Можешь, выплатить виру согласно вашему обычаю, либо я назначу ее сам.

– Что?! – куалаканец выпучил глаза. – Я? Платить ему? Да ты знаешь, кто я такой, Сухая Рука?

Начались типичные пацанские понты, которые до оскомины одинаковы в любое время и в любой культуре.

Я оскорбился.

– Видимо, ты не знаешь, кто я такой. Слушайте волю Сухой Руки – наследника владычного рода, избранника Золотого Змея Земли, сына Сытого Орла! Атотолу и его людям отдать двадцатую часть товаров за рукоприкладство в чужих владениях. Всем гостям из Куалаканы немедленно покинуть Излучное. А этого, – я ткнул пальцем здоровой руки в исходящего пеной брата князя. – За поношение священной власти владычной – в тюрьму!

Да, у меня теперь и тюрьма есть. Прямо в окружении казарм золотых, которые я перенес из Аграбы и разместил вдоль дороги между крепостью и храмом. А что делать? Рост торговли невольно пробудил в людях страсть к легкой наживе. Теперь вот тюрьму и первый «политический зэк» посетит.

Куарумхоц вопил и грозил, пока, наконец, кто-то из стражи не дал ему под дых... а я с болезненной остротой понял, что на пирамиду все-таки пойду.

...– Ну, что опять не так? – пробурчал недовольный папановский басок, едва я привалился на золоченую левую лапу Змея Земли.

– Почему так мало хороших людей и так много уродов? – начал я издали, подавляя желание просто орать в небеса.

– А может, тебе надо просто планку требований понизить? – хохотнул бог.

– Вот только не надо говорить, что дело во мне! – вскинулся я.

– Не в тебе, а в твоём отношении к ситуации...

– Хватит пичкать меня этими шаблонными фразочками из мотивационных книжек! Я же по-серьёзному пришёл...

– Ну, так и говори по-серьёзному: что не так? Без соплей воздушных! – топнул лапой Змей.

Я задумался. Что меня бесит? Ну, не балбес-толимек, на самом-то деле! Вскрывшаяся махинация Ннаки с Дубом? Тоже нет. Неприятно, конечно, но это не проблема. А вот вечная маета с расчётами – кому, что, сколько и за что платить – вот это бесило практически ежедневно!

– Мне нужны деньги, – сфокусировал я проблему до трёх слов.

– Говоришь, как моя бывшая, – продолжал глумиться надо мною бог.

– Да твою ж мать! – заорал я в небеса, забыв, что с площади меня прекрасно слышно.

– Ну, всё-всё, – примирительно загудел идол. – Серьёзно так серьёзно. Ну, и на что тебе не хватает?

– Ты не понял, – вздохнул я. – Мне не богатства не хватает, а именно денег. Как идеи.

– Нужно пояснить, – озадаченно отозвался бог.

Хотя, всё он понял! Сидящее в моей голове альтер-эго.

– Деньги – это идея. Универсальный измеритель богатства. Особый уникальный товар, ну, или символ, который измеряет ценность любой вещи. Или труда. Общий знаменатель ко всему. И здесь его просто нет.

– Нет, значит, надо создать.

– Но как? Просто издать приказ: повелеваю, чтобы были деньги?

– Ну, вспомни, как это в твоём мире было?

– Да, кто ж его знает... Сначала, как и везде (и тут тоже) был натуральный обмен. А потом всё стали пересчитывать на вес драгоценных металлов: золота и серебра. Какие-то слитки появились, потом монеты.

– Почему бы тебе не наделать монеты?

– Думал я об этом, – буркнул я. – Куча моментов против. У местных народов почему-то драгметаллы не так ценны. Золото ненамного дороже той же меди. А какие-нибудь редкие перья – гораздо больше ценятся. Во-вторых, золото для меня не абстрактная ценность, украшение, а ключевое сырьё для производства тумбаги. Не могу я его на деньги переводить. А в-третьих, его просто мало.

– Наделай денег из меди. Её у тебя в достатке, а по цене она сопоставима с золотом.

– Сопоставима, – кивнул я. – Такой же поделочный металл для украшений. Можно наделать монеток, да только самооценности у кругляшей меди нет. Их будут брать, как просто медь. И только те, кому нужна медь. Будут переплавлять в слитки и делать из них что-то потребное себе. Понимаешь, хождение денег не начнется. Они по-прежнему будут оставаться одним из товаров. А не универсалом. Можно попытаться своей волей приказать монетки не портить, назначить стоимость, велеть всё покупать за них. Но это будет искусственно. Как в СССР приказали, чтобы доллар стоил 64 копейки (или сколько там?). Но никто по такой цене доллары не покупал. Я не смогу заставить ценить деньги силой. Они должны быть самооценными.

– А если придать им священную ценность? – небрежно вбросил Змей. – Изобразить на монетках... меня. Заявить, что на них держится благословение бога. Это же самооценность?

– Хм! – я даже оторвал спину от идола. – Не думал о таком. Хотя... Ну да, такие монетки они брать будут. А потом что?

– А что потом?

– Ну, представь себя на их месте: дают тебе реликвию, пусть маленькую. Ты ведь тут же ее сховаешь, под очаг закопаешь. И так с каждой новой – чтобы пожирнее благословение в доме стало! Люди ничего не станут покупать на такие деньги, будут их копить, я буду вбрасывать всё новые килограммы меди, которые уйдут в никуда. Механизм не заработает...

Я тяжело вздохнул и привалился к деревянной лапе.

– Тупик.

– А я вот не согласен! – бодро возразил нупогодишный волк. – Мы уже далеко продвинулись. Уже понятно, что ты можешь делать деньги из меди. Примерно, сколько?

– Думаю, килограммов пять или десять в месяц могу позволить. Ну, или поднапрячься и сразу килограммов тридцать пустить в дело – запасы имеются.

– Как делать деньги из меди думал?

– Угу. Чеканить тут никто не умеет. Я так понимаю, для этого сталь нужна. Так что будем лить, формы делать камнерезы уже научились.

– Получается, остается только одно – придать монетам материальную ценность в глазах четлан.

– Так это самое сложное!

– Давай думать. Просто представь себя на их месте и подумай, что нужно сделать с деньгами, чтобы они обрели ценность в их глазах?

Я представил, как мог. Но было трудно, ибо для меня деньги – базовая жизненная реальность. Даже четыре года обитания в теле «императора» не помогают прочувствовать мир без денег. Их удобство очевидно!

– Надо, чтобы деньги были обещанием чего-то, – пришла в голову пока еще аморфная мысль. – Чтобы я... или ты что-то гарантировали людям в обмен на монеты.

– Прощение грехов? – хихикнул бог.

– Лучше все-таки что-то другое, – поморщился я, вспомнив все эти средневековые циничные ужасы про индульгенции. – Что-нибудь материальное. Если я гарантирую людям, что за мою монету всегда можно получить что-то ценное... гораздо более ценное, чем кусок меди – то это сделает деньги ценным товаром!

– Стекло? – тут же спросил Змей.

– Да. Но нет, – я начал грызть ногти от волнения. – С одной стороны, это ценность. И стекла можно производить много. Но у разных изделий разная ценность, как приравнять стоимость к монете? К тому же, каждый человек рано или поздно насытится стеклом. Заставит у себя все «полки в серванте» – и деньги станут ему не нужны. Или, как минимум, станут менее ценными.

Я вскочил и начал ходить по площадке перед идолом. Что-то нащупывалось!

– Нужен однородный товар. Который легко разбить на равные партии. И который нужен постоянно.

– Типа маиса? – подхватил мою мысль незримый собеседник. – Но...

– Верно! Но маис есть у всех, – мы с богом были уже на одной волне, явный признак того, что верный путь нащупан. – Нужно что-то более редкое и ценное. Соль. Или...

И тут я встал столбом.

– Вот дебил! – картинно хлопнул себя по лбу. – Ответ-то уже готов. На севере, у пурепеча и дальше есть товар, который и так используют почти как деньги! Редкий! Ценный! Легко измеримый! И расходуемый!

– Какашут, – улыбнулся бог.

– Какао! – выкрикнул я почти забытое русское (русское?!) слово. – Идеальный товар! Если я объявлю, что в обмен на деньгу гарантирую выплату скольких-то зерен какао – то ценность их возрастет! И они будут востребованы постоянно.

Какао-какашут очень ценилось и среди моих четлан и среди соседних народов. Ему приписывались мистические свойства, раствор из зерен какао считали кровью земли. Божественной кровью. Правда, сам напиток они делали невероятно пряным, а еще чаще смешивали с маисовой кашей и даже с кровью (человеческой, разумеется). Я всю эту гадость терпеть не мог, а обычное какао сделать не получалось – не было ни сахара, ни молока.

– Идея отличная, «император», – прервал мои восторги бог. – Но есть одно большое «но». Ты же понимаешь, что должен обеспечить все свои деньги какашутом? И поначалу большинство людей будут сразу идти к тебе за обналочкой. Понимаешь, к чему я клоню?

– Понимаю, – вздохнул я. – Если я не обеспечу деньги зернами какао, то ценность их сразу упадет. И вся задумка схлопнется. Медяшки превратятся в искусственную валюту, которая никому не будет нужна.

– У тебя есть какашут?

У меня в казне было уже мешка четыре ценного товара. Обычно, его использовали в религиозных церемониях или для расплаты за особо ценные услуги.

Четыре мешка. А мне даже для старта «денежной реформы» нужно раз в десять или двадцать больше. И этот запас надо регулярно пополнять! А вся беда в том, что деревья какао в наших горах не росли. И даже в Жарких Землях не росли. Заросли какашут находились у далекого северного моря, еще дальше на востоке, где обитали различные племена многочисленного народа виников. В некотором количестве какао выращивали и на юге, в землях толимеков, чумбиа и пантеков.

– Конечно, можно начать закупать какао. Наверное, где-то за полгода я смогу собрать нужный объем...

– И как быстро он у тебя исчезнет? А еще подумай о том, сколько богатства на это уйдет. Ты и так закупаешь множество потребных тебе ресурсов: медную руду, золото, соль, хлопок. Выдержит ли твоя казна новую статью расхода? Причем, постоянную!

– Ты, как будто, отговариваешь меня от этой идеи, хотя, только что призывал к ней!

– Я не отговариваю. Просто ты явно не замечаешь все возможные пути решения проблемы.

– Чего я не замечаю?

– Ну, смотри: почти всё сошлось. Есть готовый (в общих чертах) план внедрения денег. Осталось только решить проблему с какашутом. Но ты упорно смотришь на нее только в экономическом ключе.

Я насторожился.

– Объяснись, червяк.

– Да всё просто. Не притворяйся дурачком. Задача: добыть какашут. Данные: у тебя почти под боком есть регион, где растут какао-деревья. А еще у тебя есть армия. Маленькая, но, без ложной скромности, лучшая в окрестной вселенной.

– Ты предлагаешь развязать войну?!

– Да. Извини, что пришлось лично являться к тебе и вытаскивать наружу клешнями эту мысль. Иначе, ты бы никогда ее не озвучил!

– Но это война!

– Стоп! – незримый бог выкрутил громкость на полную, оглушая меня. – Ничего не говори. Просто подумай. Подумай и прими решение.

И отключил питание.

Глава 5. Десять вопросов

Я ждал полной тишины.

Военный совет близился к завершению: обсудили потребности в пополнениях, в количестве требуемого оружия, назначили очередной перевод золотых двадцаток в Крыло и Черное Урочище. Муравей отчитался о новых контактах его разведчиков с вождями оцколи в северных и южных горах. Мирных контактах и не очень. Вроде бы всё обсудили, но я поднял здоровую левую руку, призывая командиров к тишине.

– Мы начинаем войну. Наши воины пойдут на юг и подчинят толимеков воле моей и воле великого Золотого Змея Земли, – с уверенностью, которой совершенно не чувствовал, торжественно объявил я.

Как же тяжело дались мне эти слова. Желтый червяк, конечно, выбрал самый удачный момент, чтобы посеять в меня эту идею! Именно сегодня, после Дня Змея проводились большие советы. Хозяйственный – с утра, военный – вечером. Такая вот традиция сложилась. И бог подкинул мне идейную бомбу именно сейчас!

Да, я прекрасно понимаю, что хриплые скабрзости бога – это лишь мой внутренний голос. И его иди – это мои идеи. Которым я не доверяю, которых – боюсь. Но кого-то же нужно обвинить! Если что... И эта мысль была пугающей и страшной. Одно дело: быть готовым к защите, к оборонительной войне. И совсем другое: начать войну самому. Напасть на кого-то!

Оглушенный этой мыслью на пирамиде, я добрался до Аграбы и залез в личный миниатюрный темескаль-баню. Пот стекал по моему телу, а в голове лихорадочно билась о стенки черепа мысль: война – это плохо! Начинать войну – это плохо!

– Так, стоп! Вот эту дребедень XXI века – убираем в сторону. Я живу в другом мире, здесь иная реальность. Гуманизм здесь – всего лишь слабость. Ценность жизни измеряется практической потребностью. Атеизм, рационализм – вообще из области невозможного. И война в этом мире – нормально. Надо просто подумать: нужна ли она?

Я снова смолк, откинувшись на спинку сидения... Получается: нужна. Отсутствие денег страшно тормозит развитие моих хозяйственных планов. Тормозит торговлю. Имея стратегические запасы зерен какао, я реально смогу в короткий срок внедрить свои деньги в Излучном и даже превратить их в устойчивую валюту по всей Нижней и Средней Мезкале. От Закатулы до Уэтамо. А со временем... Впрочем, пока не будем о фантастике.

– Имеются ли возражения? – выдал я вопрос в сырой потолок своей личной баньки.

Возражения имелись. Больше года собирал я свое войско. Больше года потребовалось на то, чтобы полностью укомплектовать 540 воинов трех воинств – Золотого, Черного и Белого. Наладить более-менее подготовку ополчения в большинстве селений. А перевооружение до сих пор до конца не закончено! Тумбаги катастрофически не хватает, закупка сырья и финансирование работ требует огромных средств...

И вдруг я всё это потеряю?! Даже не так: если просто меня ждут серьезные потери в войне? Например, нужно заново завербовать, обучить вооружить сто или двести человек. Сколько у меня на это уйдет времени? Сколько потребуется ресурсов, чтобы вооружить их и обучить? И есть ли вообще у меня эти ресурсы? Людские, сырьевые, технологические. Если я буду также по крохам собирать армию, а с севера придут... пурепеча, например.

Весомый аргумент. Но вторую чашу весов тут же уравнило: а зачем мне такая дорогая и сильная армия? Уже второй год я, напуганный нашествием северной державы, наращиваю воинскую мощь. Войска обходятся мне в немалую копеечку! Я почти все доходы государства на это вбухиваю. И армия у меня – конфетка! Даже Глыбы не устает благодарить за то, что дал старику возможность поруководить не крохотным отрядом, а настоящим воинством настоящего владыки.

Ресурсы вбуханы огромные, а выхлопа нет. Чувство собственной безопасности? Не дорого ли мне оно обходится? Можно залезть на высокую гору, затаиться в пещере – будет не хуже. И заметно дешевле. Вложенные средства должны приносить дивиденды! Это аксиома. Хотя бы, грабительские набеги! Правда, грабить в округе особо некого, а в Жаркие Земли сунуться – себе дороже выйдет.

Так что война с толимеками – это наилучший способ «заработать» на армии. И цель не какая-нибудь жалкая гопстопная! Почти благородная цель! Главное, понять: что и как надо сделать для того, чтобы мое войско понесло наименьшие потери?

– Что и как надо сделать? – бубнил я себе под нос, спешно наматывая простыню на мокрые чресла. – Что и как надо сделать?..

Забыв о мытье я – мокрый и босой – бежал ко дворцу, выкрикивая:

– Доби! Боби! Кто ближе? Бумагу мне, краску и перо!

...И вот самые главные слова сказаны. Генерал Глыба смотрел на меня глазами ребенка, которому, наконец, подарили сто тыщ миллионов конфет. Черный Хвост вскочил из-за стола, возбужденно сжимая и разжимая кулаки.

– Владыка, это из-за оскорбления, которое тебе нанес презренный толимек? – с прищуром спросил он.

Муравей-Аскуатла, Теплый Ветер, Брат Гнева и еще несколько командиров, допущенных на заседание совета, тоже радостно перешептывались. Все хотели подвигов, славы и добычи.

Я потребовал тишины.

– Хочу сказать вам сразу, что это будет не грабительский набег. Мы завоюем Толимеку.

– Когда выступаем, владыка? – с широкой улыбкой спросил Глыба. – Приказывай!

– Что ж, – я ждал этого вопроса. – Вы получите мой приказ сразу же после того, как я услышу ответы на следующие вопросы...

И развернул листок, исчерканный за последний час вдоль и поперек. Вопросы были следующие:

Сколько мои командиры могут собрать обученных и необученных воинов, и как быстро они соберутся?

Кто сейчас правит в Толимеке, что это за князя, какими достоинствами и недостатками они обладают?

Какими силами располагают толимекские князя? Сколько у них обученных и необученных воинов?

Как мы можем скрыть от всех нашу подготовку к войне?

Как мы сможем доставить всех наших воинов в Толимеку?

Чем мы будем кормить наших воинов на войне в течение, хотя бы, месяца?

Как наши воины будут искать поселения врагов и вызнавать тайны у пленников?

Кто будет лечить раненых в бою воинов, где они будут восстанавливать свои силы?

Кем и как мы будем восполнять наши потери, где будем находить новое оружие?

И самое главное: как мы обеспечим покорность завоеванных толимеков?

Десять вопросов. Которые я, не спеша вывалил на своих отцов-командиров. У меня были еще, но это уже лично для меня, ибо касались непосредственно целей войны, о которых я пока не распространялся.

За столом царила мертвая тишина. «Генералы Четланской империи» с горем пополам могли ответить разве что на первый вопрос. На остальные они не то что ответа не знали, они даже задумывались о большинстве из них. Я с видом великого гения озирал свой генштаб.

«А ведь это только предварительные вопросы, ребята, – хмыкнул я. – После этого надо будет еще план кампании разрабатывать. С задачами и ответственными, сроками исполнения... И пр и др».

– Я так понимаю, нас ждет много работы. И помните главное: никто! Вообще никто! Ни одна живая душа не должна знать о наших планах!

Засиделись до глухой ночи. Выяснили, что мы знаем, что мы можем. Оказалось, не так много. Нет, набег совершить – хоть завтра! А вот завоевательную войну вести вообще не готовы.

И началась работа. С утра Глыба занялся непривычным делом: пошел на рынок к Широкому Дубу с одним из моих секретарей и принялся выпытывать всё, что тот знает о толимеках. Дуб оказался полезным человеком, прежде всего, тем, что свел генерала со многими людьми, которые сами бывали в Толимеке. Прежде всего – Уардаро, наш купеческий амбассадор в Закатуле. Торговец прочно захватил южное направление торговли стеклом и за свое льготное положение готов был почти на всё.

Черный Хвост начал новый объезд селений Четландии, дабы проверить подготовку ополчений. Кроме того, в самом Излучном начали проводить открытые тренировки с приглашением всех желающих поучаствовать – мы начали готовить базу возможных резервистов. Конечно, в основном, это были почти мальчишки безусые (хотя, здесь все безусые), но в этих местах взрослеют рано.

Аскуатла разослал отряды своих стрелков на юг, вплоть до самых прибрежных равнин. Пусть потихоньку изучают будущий театр военных действий: дороги, источники воды. Богата ли охота, наконец? Сам же командир белых отправился в горы. Я поручил ему объехать самых дружественных вождей оцколи и поинтересоваться: не нужна ли какая помощь против недружественных? Уже через несколько недель к горцам отправились небольшие сводные отряды: двадцатка черных, двадцатка золотых и две пятерки белых. Я настоял, чтобы в каждом «экспедиционном корпусе» были смешаны все воинства. Участвуя в стычках между горцами, они не только получают важный боевой опыт, но и сплотятся между собой. В предстоящей войне мне нужно дружное войско, эта вечная конкуренция между золотыми и черными уже начинала переходить границы допустимого.

К подготовке был привлечен и Ннака, ему я по секрету открыл наши планы. Во-первых, казна придержала торговлю старым (каменным) оружием. Хорошо бы иметь хоть такой запас, опять же, ополченцев можно лучше вооружить. Значительную часть работников, имеющих под началом казначея, направили вверх по Мезкале к диким лесистым берегам. Я велел выдать им все имеющиеся тумбажные топоры и приказал валить лес. Вязать его в плоты и сплавливать к Излучному – нам понадобятся вместительные плавсредства.

Кроме того, немногочисленных собственных торговцев, которые стали появляться в Излучном, мы с Мясом переориентировали на торговлю с югом. Вообще, главным нашим торговым партнером был Уэтамо, но сейчас легкие лодки устремились в Закатулу.

– Не спешите, – напутствовал я четланских негоциантов. – По Мезкале чаще останавливайтесь, общайтесь с местными. Узнавайте всё про их жизнь-бытьё. В Закатуле тоже не торопитесь. Выгода не так важна, как новые связи. Заводите знакомства: и среди горожан и среди других купцов.

Торговцы станут главной моей разведкой. После первого «рейда», собрав первичную информацию, я запущу их уже более точно.

КБ Луча Света тоже не было обойдено вниманием. Я заявил ему, что выплавка тумбаги теперь – приоритетная задача. Мне нужно больше оружейного сплава для литья дополнительных наконечников и топоров.

Также, в Излучном спешно формировалась «языковая школа». Благодаря моей картолке и данным, что хранились в чудо-головах Добчинского и Бобчинского мы быстро составили список людей, владевших толимеким языком. Их уже через день собрали, привели ко мне, а я подарил им ценные подарки и велел взять по несколько учеников для обучения языку «потенциального противника». Разумеется, про противника я ни словом не обмолвился. Уче-

ников отобрали заранее: весь высший офицерский состав, разведчики, те, кто будут пытаться и выпытывать. Каждый ученик ежевечерне обязан был явиться к своему учителю и хотя бы час времени потратить на овладение толимекской речью. Даже я выбрал себе учителя (им, конечно, стал Широкий Дуб) и периодически хаживал к нему, чтобы в общих чертах понимать речь моих будущих жертв. Говорить... за меня другие поговорят.

Пока сотни подданных искали ответы на десять моих вопросов, сам я занялся решением дополнительных, личных задач. Мы засели со стариком-литейщиком за разработку дизайна будущих «денюшек». Я объяснил, как мог, задачу и выдал ТЗ: делать изделия должно быть легко, а подделать трудно. Отливка плоских монет показалась Облачному Деду слишком замороченной. В итоге он предложил делать их в форме маленьких конусов. И форму сделать легко, и вытряхивать деньги из нее не проблематично. Для усложнения фальсификации мастер предложил покрыть стенки форм резным узором. Но самое главное: пока залитый металл не остыл в «жопку» каждого конуса можно вдавливать резную печать. Как бы «визируя», что эта денюга является настоящей. Да, это слегка замедляет процесс литья, но и мне по десять тысяч монет в день не требуется.

Вторая тема: какао. Я вдруг понял, что совсем мало знаю о его выращивании. Как ни странно, но в этом вопросе мне тоже помог Облачный Дед. Оказывается, в его горной стране имеется некая замечательная долина, где растет всё. Даже какао. Очень необычное дерево оказалось. Во-первых плоды у него растут прямо на стволе! Большие такие овальные штуки, наподобие мяча для регби. Внутри мякоть и десятки зерен. Чтобы получить правильное какао, зерна сначала сушили в раздолбанных плодах, а потом тщательно отделяли от мякоти и досушивали отдельно. По большому счету, какао плодоносило круглый год, но основные сроки сбора урожая: на исходе лета и на исходе зимы.

Дерево было весьма привередливым: какао росло только там, где тепло, сыро и не очень солнечно. Именно из-за последнего пункта плантаций какао не существует в принципе. Деревья любят расти только среди других деревьев – в их тени. Я так и не понял со слов старика: высаживают ли индейцы саженцы сами или только ухаживают за растущими деревьями. Сам же я вознамерился после войны вывезти к себе несколько десятков молодых деревьев, нескольких местных спецов – и все-таки попытаться завести какао-сады на Серой Воде.

Увы, Дед знал о какаооводстве не так много, как мне хотелось, так что нужно было искать более авторитетные источники. Меня волновали вопросы урожайности (сколько можно будет безболезненно отнять зерен у толимеков) и хранения (наилучшие условия, сроки). Вообще, интересно: если я создам хранилище для обмена денег на какао, то через сколько лет (месяцев?) мои «золотовалютные запасы» испортятся? Как часто надо хранилище обновлять? Вопросов было в избытке.

И потекли дни, недели, делающие неопределенный «час X» всё более конкретным. В Излучное стекались первые разведанные, формирующие общее представление о Толимеке. Я даже примерную карту начал рисовать (моя личная блажь, ибо индейцы упорно не понимали эту абстракцию). Муравей договорился с горцами, и два сводных отряда уже ушли исполнять «интернациональный долг» и набираться опыта. «Тумбагоплавильный металлургический комбинат» имени Луча Света давал пятилетку в четыре года, выполняя и перевыполняя намеченные показатели. Появились и первые монетки – словно крупные зерна какого-то экзотического растения. Блестели на ладони румяной, еще не окислившейся медью – пока всего пара сотен, не более. Я старательно запер их в сундуке. До лучших времен.

Потихоньку пришло время сева. На этот раз удобрение полей илом, навозом, компостом и зольной водой было поставлено на достаточно широкую ногу – так что я строил большие планы на предстоящий урожай. В столице на время полевых работ приостановили все учения – жратва важнее всего! Кстати, «великий император» в моем лице лично показал пример своим подданным. Я ведь картошечку, купленную чисто случайно, сберег! Не съел, не погубил

неосторожным севом. Уже два урожая снял. Последний – пять больших мешков. Даже решил мешок оставить на кулинарные изыски. Остальное же – лично засеял. На самом главном поле страны – к нему даже золотой страж персонально приставлен! Чтобы никто не уволок бесценный корнеплод. Ничего! Еще годков пять – и в Излучном картошки на всех хватит! А лет через двадцать – вся страна приобщится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.